

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

ЗАГАДКА ВОСКРЕСШЕЙ ЦАРЕВНЫ



ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
О ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ

Елена Арсеньевна Арсеньева
Загадка воскресшей царевны
Серия «Анастасия. Исторический
детектив о Великой княжне», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37925868
Загадка воскресшей царевны: [роман] / Елена Арсеньева: Эксмо;
Москва; 2018
ISBN 978-5-04-094760-7

Аннотация

Одни представители русской эмиграции называют ее великой княжной Анастасией Романовой, дочерью казненного царя, чудом спасшейся от расстрела и оказавшейся сперва в Румынии, а затем в Берлине. Другие считают ее самозванкой, выдающей себя за убитую в Екатеринбурге княжну ради какой-то выгоды. И только она сама знает правду о себе и о том, какую цену ей пришлось заплатить за спасение.

Содержание

От автора	5
Предисловие	7
Окрестности Перми, 1918 год	11
Королевство Румыния, Бухарест и его окрестности, 1919 год	21
Териоки, Выборгская губерния, Россия, 1916 год	30
Королевство Румыния, Бухарест, 1919 год	41
Окрестности Перми, 1918 год	50
Берлин, 1920 год	55
Териоки, Выборгская губерния, Россия, 1916 год	66
Берлин, 1920 год	77
Пермь, 1918 год	85
Берлин, 1920 год	90
Териоки, Выборгская губерния, Россия, 1916 год	92
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Елена Арсеньевна Арсеньева Загадка воскресшей царевны

© Арсеньева Е.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

*Никто никогда не узнает, что мы сделали с
ними.*

*П. Л. Войков, член Уральского губернского совета, 1918
год*

От автора

Судьба детей последнего русского императора всегда будет порождать множество догадок и домыслов хотя бы потому, что слишком велика в нас вера в чудо, в надежду на спасение невинно пострадавших девушек и их младшего брата. Именно поэтому так много появлялось людей, с большим или меньшим успехом выдававших себя то за одного, то за другого. Исследователи и историки до сих пор спорят – и никогда, похоже, не придут к единому мнению! – была ли хотя бы крупица правды в словах этих самозванцев и самозванок.

Кому-то кажется странным, что самой популярной оказалась среди самозванок личность великой княжны Анастасии Николаевны. На самом деле для этого есть как минимум две причины: явная подтасовка фактов во время поисков останков семьи императора и факт бегства Анастасии... то ли из Екатеринбурга, то ли, по другим документам, из Перми.

Среди множества женищин, выдававших себя за великую княжну Анастасию Николаевну, особенное внимание привлекают три. Это Наталья Билиходзе, Анна Андерсон и Надежда Иванова-Васильева. Эти книги – попытки исследовать их судьбы, рассказать о том известном и неизвестном, что так волнует воображение людей, преисполненных

сочувствия к юной великой княжне и горячей веры в воскресение «мертвой царевны».

Вода бежала с ее волос и платья, а она все-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

Ганс-Христиан Андерсен «Принцесса на горошине»

События в Екатеринбурге отличаются от того, что о них говорят. Но если я расскажу, как было на самом деле, меня примут за сумасшедшую. Не было никакого убийства там... но я не могу рассказать больше.

Анна Андерсон

Предисловие

Иному стороннему наблюдателю жизнь русских эмигрантов в Берлине в двадцатые годы двадцатого же столетия могла показаться сущей фантаσμαгорией. Уже одно то, что огромное число их после Октябрьского переворота ринулось спасаться в страну, которую они с 1914 года считали первым врагом, с которой воевали не на жизнь, а на смерть, – уже одно это было или полной нелепицей, или закономерностью совершенно в стиле «загадочной славянской души».

Впрочем, если человеку с одной стороны угрожают тигры, а с другой – крокодилы и надо выбрать, кем быть пожраным, уж, наверное, благоразумнее выбрать тигров. Они хотя бы теплокровные, да и с виду куда благообразнее, чем эти пучеглазые, в броню одетые чудища, которые появились внезапно *de profundis*¹ и уже пожрали Россию. Теперь ее обезображенный, обглоданный ими труп качался на волнах великой реки Времени... Ну и что проку, если рядом будет качаться труп несчастного беглеца, у которого не осталось ничего: ни денег, ни дома, ни семьи, ни родины – только жалкая жизнь, которую он стремится сохранить любой ценой? И в безумной надежде выжить – а вдруг повезет?! – он бросается к тиграм, которые и сами оказались настоль-

¹ Из бездны (лат.).

ко истощены войной, потом революцией, лишениями и потерями, что даже не щелкали зубами, когда в Германской империи, а потом и в Веймарской республике, возникшей после Novemberrevolution², в Берлине, который один поэт очень точно назвал мачехой городов русских³, вдруг появилось несколько сотен тысяч бывших врагов – бывших великих князей, генералов, чиновников, профессоров, писателей, солдат, студентов... et cetera, et cetera... которые принесли с собой свои беды, свои слезы, свои пустые желудки, свои песни, свои – начатые еще до исхода! – споры и свары, а также свои соломинки, за любую из которых они готовы были ухватиться.

Соломинками этими были надежды на возврат былого, и если они порою обретали облик, то смехотворный, то inferнальный, это никого не смущало. Этим надеждам предавались, их лелеяли, ими зажигались – и в их огне то сгорали дотла, то обливались слезами, то раздражались тем горьким смехом, которым умеют смеяться только русские, твердя сквозь смех и слезы самую сакраментальную из всех на свете фраз:

² Веймарская республика явилась одним из итогов Ноябрьской революции 1918 г., охватившей Германию в конце Первой мировой войны. Она просуществовала с 1919 до 1933 г. Официально Германия сохранила прежнее наименование, однако в историографии период после отречения от престола кайзера Вильгельма и до прихода к власти Гитлера принято называть именно Веймарской республикой.

³ Эти слова принадлежат В. Ф. Ходасевичу (1886–1938) – русскому поэту-эмигранту.

«Всё, что ни делается, делается к лучшему!»

Соломинки-надежды то вспыхивали, то гасли. Вдруг появился в Берлине какой-то атаман Хлопов, который от имени русских монархистов вел некую таинственную работу по организации борьбы против большевиков. Он обратился в Высший Монархический Совет и попросил денег, чтобы доставить в Германию якобы спасенного им же, Хлоповым, великого князя Михаила Александровича⁴. А потом отправился в посольство РСФСР на Унтер дер Линден и попытался запродать и там жизнь того же самого великого князя.

Вскоре после этого события всеми обсуждался приезд в Берлин, а затем в Париж и Ниццу некоего священника, который добивался встречи с великим князем Николаем Николаевичем⁵, чтобы сообщить: ему – священнику – явилась Божья Матерь с требованием немедленно организовать крестовый поход против большевиков, возглавить который дол-

⁴ Великий князь Михаил Александрович (1878–1918) – четвёртый сын Александра III, младший брат Николая II; российский военачальник, член Государственного совета Российской империи. Зверски убит большевиками.

⁵ Имеется в виду Великий князь Николай Николаевич-младший (1856–1929) – верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи в начале Первой мировой войны (1914–1915) и в мартовские дни 1917 г., главнокомандующий Кавказской армией и войсковой наказный атаман Кавказских казачьих войск. В эмиграции с 1919 г. – в Италии. Потом во Франции. Среди некоторых групп белой эмиграции считался претендентом на российский престол как старший по возрасту и самый известный член династии, хотя сам никаких монархических притязаний не высказывал. Возглавлял Русский Общевоинский союз.

жен великий князь. Вскоре выяснилось, что это самый обыкновенный большевистский провокатор, пытавшийся организовать похищение или убийство Николая Николаевича...

На фоне этих и им подобных эффектных явлений сначала более чем незаметным осталось сообщение в одной из берлинских газет о том, что вечером 18 февраля 1920 года дежурный сержант полиции Халльман вытащил из канала Ландвер бросившуюся туда молодую женщину, которая отказалась назвать свое имя, а потому была в полицейском протоколе записана как «фройляйн Унбекант»⁶. Но в скором времени этой *Неизвестной девушке* предстояло затмить своей известностью и атамана Хлопова, и иже с ним, сделавшись одной из самых загадочных фигур своего времени и надолго приковав к себе внимание как русской европейской и американской эмиграции, так и многих иностранцев. Однако на пальцах одной руки можно было пересчитать людей, которые доподлинно знали, что же произошло в тот достопамятный вечер на берегу канала Ландвер, кем на самом деле была «фройляйн Унбекант», а также где и каким образом началась одна из хитроумнейших интриг XX века... которая, к сожалению, так ничем и не кончилась.

⁶ Неизвестная девушка (нем.).

Окрестности Перми, 1918 год

Погожим сентябрьским днем четверо красногвардейцев, чья 21-я рота, литер «А», размещалась на 37-м разъезде Пермской железной дороги, неподалеку от Камского моста, пошли в лес. С утра было выдано на роту – сорок человек – три ведра спирту, а закусывать, кроме черного хлеба да остатков вчерашней пшенной каши, оказалось нечем. Опростав мгновенно одно ведро и немножко причастившись – так, самую малость, чтобы только возвеселиться, но не захмелеть вовсе, – солдаты разбрелись в поисках подножного корма – закусить новую выпивку. Проще всего было бы пойти в деревню Нижняя Курья да малость потрясти там крестьянские закрома, поэтому солдаты Мишка Кузнецов, Иван Петухов, Васюта Завялый и Лёха Шапошников направились напрямик туда, собирая грибы, только если те попадались на глаза. Впрочем, дождей давно не было, а потому и осень стояла не грибная.

Наконец Петухов увидал на пригорке несколько подосиновиков, но только нагнулся за ними, как в кустах что-то резко зашумело, и прямо на него выскочила девушка в коричневом коротком пальтишке, зеленой юбке до щиколоток и сером платке.

– Эх ты! – удивился Иван. – Чья такая кралечка?

Девушка бросила на него холодный взгляд, высокомерно

вздернула голову и резко свернула в сторону. Похоже, она была слишком уверена в себе, чтобы обращать внимание на какого-то общарпанного солдата.

Петухов посмотрел вслед и с удовольствием присвистнул: маленькими ножками в коротких мягких сапожках девушка шагала так решительно, что зеленая юбка волновалась на ее округлых бедрах. К тому же, когда они столкнулись лицом к лицу, солдат успел разглядеть, что у нее высокая грудь, белая круглая шея и яркий розовый рот. Она была очень хорошенькая, и Петухов взволновался.

– Да стой же ты! – крикнул он вслед девушке. – Куда валишь? Тоже по грибы ходила? Нашла чего? Нет? Ну так я покажу тебе грибок, хошь?

И он захохотал, расстегивая свою грязную, поношенную шинельку.

Ну да, спирт еще затуманивал голову... к тому же Иван Петухов был очень прост в обращении с девушками.

Девушка обернулась, хлопнула глазами. Возможно, она по простоте душевной намек не поняла, но во взгляде голубых Ивановых глаз было что-то настолько оскорбительное, что она почувствовала: от этого красногвардейца надо держаться подальше.

Девушка попятилась, видимо прикидывая, куда бежать, как вдруг раздался треск кустов.

– Чего блажишь, Вань? – послышался новый голос, и другой солдат, поменьше ростом, рыжеволосый и бледный, вы-

лез из кустов. Это был Мишка Кузнецов. Через плечо у него, как и у Петухова, висела винтовка. – Нашел чего?

– А нашел! – сообщил Иван. – Девка вон по грибы пошла, да с пустыми руками ворочается. Хотел ей свой грибок показать, а она совсем глупая, не понимает ничего.

И он бессмысленно захохотал, пьяно качаясь из стороны в сторону.

Рыжий Мишка тоже зашелся от смеха.

Тогда, решив, что сможет от них убежать, девушка резко рванулась в сторону, проломилась через кусты и сразу оказалась на дороге. Впереди виднелась сторожка железнодорожного телеграфиста, и девушка устремилась туда, однако солдаты спохватились и принялись стрелять ей вслед.

Когда первая пуля свистнула над головой, девушка споткнулась, но продолжала бежать, петляя, бросаясь из стороны в сторону. Петухов и Кузнецов палили наперебой, хотя винтовки ходуном ходили в их руках. Пули щадили беглянку, однако она запнулась за вылезший на тропку корень и упала. Вскочила проворно, да тут налетел Петухов, сорвал с нее платок и пальтишко, повалил на спину, полез под юбку...

Девушка закричала так пронзительно и страшно, что из сторожки выскочил мужчина в черной форменной тужурке телеграфиста и завопил:

– Ой, охальники, а ну, пустите девку, твари бесстыжие!

Солдаты не обращали на него внимания, только один угрожающе прицелился, и тогда телеграфист благоразумно

скрылся в сторожке.

Примчались на добычу Кузнецов и услышавшие стрельбу Васюта Завялый и Лёха Шапошников: тоже потянулись к белым, раскинутым на желтой опавшей листве ногам, принялись, отпихивая друг друга, грубо лапать девушку. Она сопротивлялась отчаянно; кто-то ударил ее в лицо, потом еще и еще, разбил нос, губу; рыжий Мишка да Иван наперегонки расстегивали штаны, топчась над жертвой, и девушка, которая поняла наконец, что ее ожидает, вдруг закричала:

– Оставьте! Прочь! Я дочь государя Анастасия! Я великая княжна Анастасия Николаевна!

Мишка и Петухов захохотали.

– Мели, Емеля, твоя неделя, – пробормотал Иван, падая на коленки меж ее раздвинутых ног, но тут кто-то набежал со стороны, крича:

– Оставьте, дураки! К стенке захотели? Что, коль она правду сказала?!

Это был красногвардеец Александр Гайковский – высокий, темноволосый и черноглазый.

Его вмешательство если не отрезвило солдат, то несколько отбило у них охоту к немедленному насилию. И хотя Мишка Кузнецов ворчал, что девка врет, что он ее знает и никакая она не царева дочка, а Настя Григорьева из деревни Нижняя Курья, которая украла у соседки шубу и подалась в бег, все же некое просветление снизошло в их затуманенные спиртом головы. Они привели в порядок свою одежду,

подняли девушку с земли и под конвоем повели ее в сторожку. Озабоченный, хмурый Гайковский шел с ними, косясь на пленницу.

Связист Максим Григорьев, чей телеграфный аппарат стоял в сторожке, поглядывал на девушку, забившуюся в уголок возле большой печи, занимавшей чуть ли не половину избушки, сочувственно. Ее стриженные русые волосы были разлохмачены, в них набилась палая листва, на лице набухали синяки, из рассеченной губы сочилась кровь; белая блузка была на груди разорвана и запятнана этой кровью.

– А пусть он выйдет пока, чего мешается, – вдруг сказал Петухов, махнув в сторону Максима Григорьева. – Спрово-
рим, чего начали. Раз попалась, значит, наша. И здесь всяко потеплей, чем в лесу.

– Умолкни, Ванька, сила нечистая, – встревоженно сказал Гайковский. – Чего несешь?! Что это тебе, телка деревенская?! А коли она правду говорит?

– Ну так и что, коли правда? – хмыкнул Иван. – К тому же как это может быть правдой? Небось во всех газетах написано, что царскую семью порешили в Екатеринбурге!

– Ты никак, пустобай, прочитал, чего там в газетах написано? – зло ухмыльнулся Гайковский. – Давно ли читать научился?

– Не я читал – другие, а мне обсказали, – надувшись, пояснил Иван.

– А мне другие обсказали, что порешили только самого

Николашку, а девок и жену его допрежь вывезли в Пермь и секретно содержат там в каком-то подвале, — настойчиво сказал Гайковский. — Про это многие говорят!

Остальные солдаты слушали их, переводя взгляды от одного к другому, однако не вмешиваясь в спор.

— Да чего попусту трекаться, мы лучше вот кого спросим, — оживился Петухов, ткнув пальцем в Максима Григорьева. — Он тут при телеграфе сидит — небось всё знает. Давай, Григорьев, говори: пристрелили царских дочек и женку его в Екатеринбурге али в самом деле в Пермь притаранили?

Григорьеву было и девушку жаль, тем паче если она не врала и в самом деле была царской дочкой, но в то же время он побаивался подвыпивших красноармейцев, а потому ответил он уклончиво:

— Мне за разглашение государственных тайн кому ни попадя знаешь что может быть? Так что лучше меня не спрашивайте, а отведите девчонку по начальству: ему, конечно, виднее.

— И то! — засуетился Гайковский, накидывая на плечи дрожавшей девушке свою шинель и отдавая ей свой башлык. — Давайте-ка ее лучше на станцию отведем, пускай снова в подвал посадят. Кто их знает, начальников, может, они хотят девок да царицу отправить к их родне, в заграничные страны, а не то обменять на какую ни есть для нас выгоду?

Девушка перевела дух с неким подобием облегчения. Она поняла, что Гайковский старается ей помочь.

– Ладно, пошли, – согласился наконец Иван Петухов, и Мишка Кузнецов тоже покладисто кивнул. – Пускай начальники решают.

Гайковский, успокоенный, направился к двери, однако связист Максим Григорьев успел заметить, как Иван и его рыжий приятель хитро переглянулись, а остальные солдаты едва сдержали смех.

«Да, – сочувственно подумал Григорьев, – мучения этой бедняжки, кем бы она ни была, только начались!»

Девушку, одетую в шинель и башлык, повели мимо железнодорожных путей к Камскому мосту, однако не перевели через него, а продолжали подталкивать по путям к стоящим чуть в отшибе вагонам, в двух из которых размещалась 21-я рота: по двадцать человек в вагоне.

– Эй, вы куда?! – крикнул Гайковский, заметив эти маневры, но Мишка Кузнецов наставил на него винтовку и угрожающе щелкнул взводимым курком.

– Мишка, ты чего! – отшатнулся Гайковский, невольно зашленившись рукой, словно пытаясь защититься от выстрела. – В кого целишься?

– И не только целю, Сань, но и пальну, – спокойно сообщил тот. – Давай отсюда, а не то...

– Сдурел?! – возмущенно вскричал Гайковский. – Чего делать собрались?!

Вместо ответа Мишка выстрелил ему под ноги.

– Она не пойдет с вами! – отпрыгнув, отчаянно крикнул

Гайковский. Он побледнел, но старался не выказывать страха.

Один из солдат, доселе помалкивавший, крикнул, задорно блестя глазами:

– Ты, Санька, нам лучше не перечь сейчас. Ну, малость блуд почешем да отпустим твою царевну. А то, хочешь, с нами пошли. Чем плохо? А будешь мешаться, или правда пулю словишь, или комиссару на тебя донесем, мы-де поймали эту девку, а ты ей хотел помочь сбежать. Сам знаешь, что тогда будет: не только тебя, но и твою семейку в Верхней Курье на сучья вздернут.

Если Гайковский и раньше был бледен, то сейчас лицо у него сделалось белое, как мел.

– Да пожалейте вы ее, – почти взмолился он. – Вас же там целая рота... Я знаю, вам с утра спирт давали, но не весь же ум вы пропили!

– Пошел! – крикнул Мишка, передергивая затвор, – или с нами идешь, или пеняй на себя.

Гайковский, уныло опустив голову, больше не вмешивался, только провожал взглядом девушку и солдат: вот отодвинулась дверь вагона, вот раздался оттуда дружный восторженный крик, вот девушку зашвырнули в вагон, вот дверь задвинулась снова.

Гайковский стиснул кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Постоял, подумал немного, а потом пошел в будку к связисту Максиму Григорьеву и потребовал связать с Чрез-

вычайной комиссией в Перми.

Григорьев так и замахал на него руками:

– Спятил, паря?! Да ты кто такой есть, чтобы я тебя соединял с начальниками?

Гайковский попытался увещевать его, напомнив, кем назвалась незнакомка, уговаривая, что в чрезвычайке непременно должны знать, если девушка и в самом деле та, за кого себя выдает, что она, очень может быть, и правда сбежала из подвала, где остались ее мать и сестры, а значит, ее нужно туда вернуть живой и невредимой... Однако Григорьев непреклонно мотал головой:

– И не проси, не буду! Царевна она или нет, а что Петухов, что Мишка рыжий – они оба без всякого царя в голове: пристрелят меня потом, коли узнают, что я помогал тебе чечку вызывать! И не пойму я, чего ты так бесишься, тебе какое дело, если от какой-то там царевны крошку отщипнут? Девичье дело такое: нынче девка – завтра баба.

Гайковский ничего не ответил, выскочил из сторожки и сломя голову кинулся к переезду, явно намереваясь пересечь его.

– Неужто в Пермь бегом побежит? – изумленно пробормотал Максим Григорьев, глядя на него в окно. – Вот же не уймется! С чего его разобрало-то?

Пожимая плечами, он вернулся к своему аппарату, но нет-нет, а жалость к странной девушке заставляла его снова и снова взглядывать в окно и надеяться, что двери вагона от-

крылись и красногвардейцы ее отпустили. Однако двери не открывались и никто никого не отпускал.

В конце концов день истек, стемнело, и Григорьев лег на топчан ближе к теплему боку печки и попытался уснуть.

Королевство Румыния, Бухарест и его окрестности, 1919 год

– Рюмочку «Мари Бизар», Вера Евгеньевна? – с самым серьезным выражением проговорил седоволосый мужчина, открывая бутылку знаменитого французского ликера.

– Сколько раз вам говорить, чтобы вы называли меня мать Варвара? – укоризненно взглянула на него немолодая монахиня, сидевшая напротив. – И неужели вы не можете запомнить, что я ненавижу эту анисовую гадость? Прежде вы не жаловались на память, Станислав Альфонсович!

– Я с трудом удерживаюсь, чтобы не называть вас Верочкой, как *прежде*, – лукаво улыбнулся ее собеседник. – А про «анисовую гадость» я, конечно, помню; просто дразню вас, как *в былые времена*. Правда, *тогда* мы были на «ты».

– Да, – пробормотала монахиня. – Но это было давно, слишком давно! Когда ты приезжал на каникулы из Петербурга, из Александровского лицея, а меня приглашали погостить в вашу Талицу, наверное, можно было предположить, что Станислав Поклевский-Козелл когда-нибудь станет государственным деятелем, другом английских аристократов, посланником Российской империи в Лондоне, в Тегеране, в королевстве Румыния, но то, что я сделаюсь игуменьей православного монастыря в этом же самом королевстве...

– То, что Верочка Савельева, в которую влюблялись все молодые люди Пермской губернии, которым выпадало счастье ее увидеть, станет монахиней, – это не могло никому из нас присниться даже в самом страшном сне, – покачал головой Станислав Альфонсович.

– Мне тоже, – вздохнула мать Варвара. – Только для меня этот страшный сон сбылся.

Станислав Альфонсович мысленно назвал себя идиотом. Его первая любовь – Вера Савельева, по мужу Заславская, – приняла постриг после страшной гибели всей своей семьи от взрыва бомбы, брошенной в их экипаж эсеровским боевиком. Сама она выжила только чудом, но не благодарила за это Бога! И это было лишь прелюдией к тому взрыву, от которого погибла вся Россия, их прежняя Россия...

Сияясь отрешиться от пугающих, тягостных воспоминаний, Станислав Альфонсович и мать Варвара уставились на цветы, которые красовались на столе в кринке из обожженной глазированной глины. Это были самые обыкновенные цветы, которые можно встретить в любом крестьянском садике: львиный зев, георгины, настурции, маки... Точно такие росли когда-то в саду Поклевских на старательно возделанных клумбах, и Станислав Альфонсович понимал, почему мать Варвара привезла ему именно эти цветы, хотя в посольском саду (после того как в 1918 году дипломатические отношения между Румынией и Советской Россией прерва-

лись, здание посольства на шоссе Киселёфф⁷ опечатали, однако Поклевскому, который занимался делами русских эмигрантов и находился под покровительством королевы Марии⁸, заботившейся о тех, кого она считала соотечественниками, оставили крыло дома, в котором он проживал раньше) во множестве росли роскошные розы самых изысканных сортов. Вот и сейчас старый садовник поливал клумбы, и вода из шланга брызгала на тяжелые, пышные розовые, белые и алые соцветия, заставляя их клониться к просеянному желтому песку дорожек...

– Довольно, – вдруг резко сказала монахиня, отрешаясь от печальных воспоминаний. – Налейте мне, пожалуйста, мазарган⁹, и поговорим о том, ради чего я к вам приехала. Ко мне приходили люди, говорившие, что в наших краях появилась великая княжна Анастасия Николаевна, чудесным образом спасшаяся после расстрела императорской семьи в доме Ипатьева, и есть возможность встретиться с ней.

– И что же вы ответили? – спросил Поклевский.

⁷ Одна из центральных улиц Бухареста названа в честь Петра Дмитриевича Киселёва (1788–1872) – русского государственного деятеля, генерала от инфантерии. – *Здесь и далее примечания автора.*

⁸ Мария Александра Виктория Эдинбургская, Мария Румынская (1875–1936) – британская принцесса; дочь Альфреда, герцога Эдинбургского и Саксен-Кобург-Готского, и великой княжны Марии Александровны. По отцу – внучка королевы Виктории, по матери – императора Александра II; супруга кронпринца, затем (с 1914 г.) – короля Румынии Фердинанда.

⁹ Турецкий кофе со льдом, очень популярный в Румынии, которая до 30-х гг. XIX в. находилась под Османским владычеством.

– Разумеется, я не желаю встречаться, – пожалла плечами мать Варвара. – Я убеждена, что это самозванка. Однако до меня доходили слухи, будто в народе по обеим сторонам Днестра поговаривают: государь-де жив, и он, и его семья спаслись – их тайно вывезли за границу. Этой женщине, которая называет себя великой княжной, искренне верит местное население – совершенно простые люди. Она живет в одной семье, хозяин – из железнодорожников. У нее есть охрана, которая сопровождает ее почти всегда... Меня тревожат эти разговоры и появление этой особы. Тем более что в здешних местах поселилось немало бывших матросов с «Потёмкина»¹⁰, а этот народ – как сухой порох, только и ждет повода, чтобы снова взорваться!

Поклевский-Козелл приступил к своим обязанностям посла Российской империи в королевстве Румынии в 1913 году, поэтому о высадке экипажа с «Потёмкина» в Констанце знал только понаслышке, однако тревог это событие принесло в спокойные румынские земли немало. Семьсот мятежников, не знающих языка, без денег, с обгагранными кро-

¹⁰ Мятеж на броненосце Черноморского флота «Князь Потёмкин-Таврический» вспыхнул в июне 1905 г. из-за некачественной пищи. Матросы захватили корабль в свои руки, убив при этом часть офицеров. Не имея чёткого плана дальнейших действий, восставшие повели корабль в Одессу, где намеревались пополнить запасы угля, воды и продовольствия, надеясь на поддержку главных сил Черноморского флота. После того как эти планы не осуществились, броненосец, совершив поход от Констанцы до Феодосии и обратно, спустя одиннадцать дней сдался румынским властям в порту Констанца. Матросы частью тайно вернулись в Россию, частью остались в Румынии.

вью офицеров руками... Впрочем, бывшим матросам пришлось так тяжело, что было не до новых бунтов. Чтобы хоть как-то прокормиться, они работали на помещичьих полях, на нефтяных промыслах, на фабриках, нанимаясь за самую ничтожную плату. Однако в 1907 году в Румынии вспыхнуло крестьянское восстание, потемкинцев обвинили в подстрекательстве, началась полицейская травля. Большинство матросов потянулось в Америку, часть разъехалась по Европе; лишь человек полтораста остались в Румынии. Некоторые вполне, как говорится, ассимилировались: щеголяли румынскими словечками, пооткрывали ресторанчики и пивные... Даже стали одеваться как румыны: горожане носили желтые ботинки на картонной подошве и фетровые котелки, а оставшиеся в селах напялили дырявые воловь отинки и войлочные кашули¹¹. Некоторые пристроились на железную дорогу, и эти-то были народом самым мутным, беспокойным и ненадежным, живущим памятью о великом мятежном корабле. Теперь к ним присоединились заднеэстровские зажиточные крестьяне, в немалом количестве бежавшие из России после Октябрьского переворота 17-го года, но отчаянно мечтавшие о возвращении – конечно, не как жалкие просители, а чтобы вернуть отнятое! Матушка Варвара права: это порох, сухой порох, готовый вспыхнуть от малейшей искры! А появление воскресшей великой княжны Анастасии – чем не искра?...

¹¹ Башмаки из сыромятной кожи; шапки (*румынск.*).

– Понимаю, – задумчиво проговорил Станислав Альфонсович. – Но знаете, что, по-моему, самое странное? Что эта особа ищет поддержки среди людей, не имеющих отношения к придворному кругу, однако не обращается за помощью в Бухарест, к двоюродной тетке великих княжон, королеве Марии!

– Это меня и насторожило в первую очередь, – всплеснула руками мать Варвара, и Станислав Альфонсович до такой степени остро вспомнил Верочку Савельеву с ее порывистыми жестами, стремительной речью, заразительным смехом и мгновенно проливающимися слезами, что едва подавил желание прижать руку к сердцу, которое внезапно и резко закололо. – Именно ее стремление утвердиться среди тех, кто был далек от престола, кто лично не видел Анастасию Николаевну или видел только издали, – вот что подозрительно. Разумеется, это самозванка, однако мне все-таки хотелось бы, чтобы на нее взглянул – конечно, тайно! – кто-то еще, видевший великую княжну в прежние времена. Мои дела в Бухаресте закончены. Сегодня я возвращаюсь в монастырь. Ты... извините, вы, Станислав Альфонсович, могли бы поехать со мной?

– Нынешним вечером я должен председательствовать на заседании комитета, от которого зависит выдача Нансеновских паспортов¹² нашим соотечественникам, – сокрушенно

¹² Нансеновский паспорт – международный документ, был разработан в 1922 г. норвежцем Фритьофом Нансеном, комиссаром Лиги Наций по делам беженцев.

сообщил Поклевский. – Никак не смогу сопровождать вас. К тому же зрение у меня в последнее время стало совсем никудышное. Тем более по вечерам. А вы сами говорите, что взглянуть на эту девушку следовало бы тайно... Но не отчаивайтесь. Мой секретарь в отделе помощи русским эмигрантам – господин Самойленко – в 1916 году был в качестве курьера в ставке государя в Могилёве, куда как раз приехала царская семья, и, конечно, великие княжны. Он видел их близко – это его самые драгоценные воспоминания! К тому же у него великолепная, почти фотографическая память. Конечно, прошло три года с тех пор, но вряд ли Анастасия Николаевна изменилась до неузнаваемости.

– Господи, Станислав, вы соображаете, что говорите?! – снова всплеснула руками матушка Варвара. – «Вряд ли Анастасия Николаевна изменилась до неузнаваемости!» Вы готовы допустить, что эта особа – в самом деле великая княжна?!

– Я оговорился, – сокрушенно вздохнул Поклевский. – Следовало сказать: изменилась бы. Однако... однако знаете, что я слышал?...

– Могу себе представить, – слабо усмехнулась матушка Варвара. – Я беседовала с одним офицером, денщик которого якобы собственными глазами видел государя и государыню в вагоне некоего секретного состава под Екатеринбург-

Такие паспорта выдавали беженцам из бывшей Российской империи, а впоследствии и другим беженцам, которые не могли получить обычный паспорт.

гом уже после роковой даты семнадцатого июля тысяча девятьсот восемнадцатого года... Офицер не слишком поверил своему денщику, но слухами о спасении государя и его семьи в самом деле земля полнится. Вот наша интеллигенция всё болтала: не нужно, дескать, народу царя. А народу-то именно царь и нужен, народ сам готов его выдумать! Впрочем, мне пора. Так ваш человек поедет со мной?

– Я пошлю за ним, – кивнул Станислав Альфонсович. – Мы выпьем кофе, перекусим на дорожку, и, думаю, через час вы сможете выехать.

В сумерках того же дня Тарасий Данилович Самойленко, секретарь Поклевского, стоял в сарае близ железнодорожных путей рядом с монастырским сторожем, которого ему в помощь отрядила матушка Варвара. Ярко светила луна; ей помогал большой фонарь около домика станционного смотрителя. Самойленко узнал, что именно в этом доме нашла себе приют девушка, выдававшая себя за великую княжну. По вечерам она часто выходила гулять в сопровождении нескольких русских железнодорожников, которые составили ее охрану.

Неподалеку слышались голоса и шум шагов.

– Княжна идет, – пробормотал сторож, и глубокое почтение, прозвучавшее в его голосе, заставило Самойленко насторожиться.

Похоже, сторож не разделял скептицизма матушки Вар-

вары!

Появилась невысокая женская фигура в белом платье. Она быстро прошла мимо сарая, вдруг повернувшись туда, будто почуяв пристальный взгляд Самойленко, который буквально затаил дыхание.

При двойном свете фонаря и луны блеснули светлые глаза, появилось бледное лицо под ворохом коротко остриженных пышных волос. Самойленко смотрел не отрываясь, невольно прижав руку к сердцу.

Девушка резко, высокомерно вздернула подбородок, стояла так несколько мгновений, словно нарочно давая Самойленко возможность рассмотреть ее получше, потом рассмеялась – чудилось, рассыпались по мраморному полу осколки хрусталя! – и взбежала на крыльцо; вслед за ней поднялись несколько мужчин.

Хлопнула, закрываясь, дверь.

– Ну что, домнуле?¹³ – с молящим выражением прошептал сторож. – Она ли? Царевна?

– Не знаю, – уклончиво ответил Самойленко. – С одного взгляда, да еще вечером, трудно разглядеть. Надо еще раз приехать. Так и передай матушке Варваре.

¹³ Господин (*румьинск.*).

Териоки, Выборгская губерния, Россия, 1916 год

Летом 1916 года Анатолий Башилов с большой неохотой решил-таки провести каникулы в дачном доме родителей в Териоках. Дом этот Анатолий помнил с детских лет, потому что Башиловы год от года снимали в нем комнаты на лето. Хозяйка переселялась к сестре на соседнюю улицу, а комнаты занимали Башиловы. Это был самый старый дом в этом очень популярном среди жителей Петрограда дачном поселке на побережье Финского залива. Вполне возможно, что он был построен здесь первым русским дачником – скажем, еще в 1870 году, когда после открытия Финляндской железной дороги и сооружения деревянного вокзала в этих местах стали появляться дачные домики. Однако построили его из плохого дерева и довольно небрежно, оттого стены осели, полы перекошились так, что вещь, уроненная в одном углу, сама собой перекатывалась в противоположный угол комнаты. И тем не менее Башиловы-старшие его любили.

Здесь сохранилось немало старинной мебели красного дерева: шкафы, комоды, туалетные столики, диваны, кресла, столы с зеленым сукном для игры в ломбер – ну кто в наше время играет в ломбер?! – и клавикорды, на которых Вера Савельевна, мать Анатолия, очень любила наигрывать

романсы Варламова, Гурилёва и Алябьева. Об этом старом клавесине доктор Дмитрий Ильич Башилов, отец Анатолия, втихомолку бормотал из Тредиаковского:

Стоит древесно,
К стене приткнуто;
Быв пальцем ткнуто,
Звучит чудесно!

Всю эту рухлядь Анатолий терпеть не мог, однако деваться на лето было решительно некуда. Городская квартира родителей стояла запертой, а обе жилищные коммуны, в которые входил Анатолий, распались одна за другой.

Сначала жить стало невозможно в комнатах на Коломенской улице, которые Анатолий снимал с тремя товарищами по медицинскому факультету. Вообще говоря, комнаты оказались беспокойными даже для веселой студенческой коммуны. Прямо над ними, на самом верхнем этаже, жила целая ватага артельщиков. Было их человек десять, спавших на полу вповалку. Встав ранним утром, они начинали все одновременно надевать сапожищи, сильно топая в пол, бывший для студентов потолком, отчего дом ходил ходуном, и все просыпались. А если учесть, что студенческие посиделки заканчивались далеко за полночь, понятно, что на лекции шли либо не выспавшись, либо вовсе их пропускали, потому что заново укладывались в постели после ухода артельщиков на работу.

Впрочем, шумных верхних соседей и постоянный недо-сып еще можно было как-то перетерпеть! Однако по вес-не началось истинное светопреставление, когда сверху вдруг поползли, повалили клопы: буквально посыпались с потоло-ка, они массово спускались по стене и просачивались в окна.

Вызвали домового клопомора, который при виде такого нашествия только руками развел и «утешил» жильцов, что это обычно кончается само собой. Ждать счастливого завер-шения мучений, Впрочем, сил никто не имел, и потому Ана-толий сменил адрес, поселившись в другой коммуне в Каза-чем переулке, в скромной и чистенькой квартирке под са-мой крышей (чтобы никто уж точно не топал над головой и неоткуда было спускаться клопам!). Окна выходили во двор.

Квартира была сама по себе недурна, однако, снимая ее, студенты не поинтересовались соседями, а оказалось, что дом переполнен проститутками, ворьем, пьяницами и вся-кими «общественными подонками», как выражался один из товарищей Анатолия. Днем и ночью в окна, распахнутые по случаю душающей жары, внезапно установившейся в мае, неслись пение, музыка и такие выражения, о существовании которых молодые люди и подозревать не могли. Вдобавок со-седи имели обыкновение свешиваться прямо во двор, когда их рвало с перепоем, а происходило сие настолько часто, что передвигаться по двору приходилось перебежками и сторо-жась. Анатолий даже предложил ходить под зонтами, однако зонтов стало жалко.

Тем временем наступили вакации. Большинство друзей Анатолия разъехались по домам или по дачам. Он задержался, потому что свел роман с Галочкой – очень миленькой молоденькой проституткой, которая взяла на себя труд не только лишить его невинности, но и продолжать просвещение.

Однако два события заставили Анатолия покинуть квартиру в Казачьем переулке. Во-первых, из тюрьмы вышел Галочкин «кот», славившийся своей ревностью и буйством. Галочка очень боялась за Анатолия и умоляла его переехать. Он все тянул, не желая показаться трусом, но как-то раз случилось вот что. Жилец третьего этажа заснул с папироской в кресле. Оно загорелось. С перепугу или спросонья он не нашел ничего лучшего, как выкинуть кресло во двор, причем едва не убил при этом проходившего под окном Анатолия. Кресло рухнуло буквально перед его носом! Он воспринял это как знак судьбы и покинул Казачий переулок. Оставаться в Петрограде не хотелось ни в коем случае. Родители отдыхали на даче в Териоках.

Анатолию было немного странно, что они не одолевали его письмами и телеграммами с требованием приехать. Ну что же, видимо, начали наконец считать его взрослым и самостоятельным человеком, решил Анатолий и дал телеграмму о своем приезде. Он выехал ближайшим поездом, благо они ходили теперь в Териоки частенько.

Война с германцами шла уже почти два года, к ней успе-

ли привыкнуть, с ней даже освоились и некоторым образом сжились. Общий налет тревоги присутствовал, конечно, однако все старательно делали вид, будто все в порядке. Ведь на дворе лето... Надо им насладиться, несмотря ни на что!

В Териоках на перрон высыпали столичные пассажиры в коломьянковых или полотняных костюмах, дамы в легких платьях. Все спешили сойти – поезд стоял не более пятнадцати минут, потом следовал в Гельсингфорс. Встречающих тоже было предостаточно. Некоторые, жившие подальше от станции или имевшие тяжелый багаж, рассаживались в брички; те же, чьи дачи находились поблизости, шли, перейдя железнодорожное полотно, пешком по улице Виертотие – Большой дороге, – растекаясь в боковые улочки и переулки.

Среди них был и Анатолий с сундучком своих пожитков на плече. Он отлично знал дорогу к отцовской даче, однако же Дмитрий Ильич Башилов все же прибежал встречать сына, хотя и опоздал к приходу поезда.

– Почему приехать-то решил? – спросил он вместо приветствия.

Анатолий опешил:

– Ты что, не рад?

– Рад, конечно, – улыбнулся отец, словно спохватился. – Просто неожиданно как-то...

– Да вот так вышло, – пожал плечами Анатолий, чувствуя себя непрошеным гостем.

– А ты возмужал, – сказал Дмитрий Ильич, наконец об-

нимая сына, но Анатолий встретил эти слова иронической улыбкой.

Весь год он усиленно занимался в гимнастических залах, тратя на это чуть ли не все карманные деньги, выдаваемые отцом (отчего и жил в самых плохих условиях, в самой жалкой и полунищей коммуне), дважды в неделю посещал ма-неж, уделяя спорту чуть ли не больше времени, чем учебе. Ну что же, он окреп, фигура его приобрела вполне атлетический вид, однако лицо не изменилось – это его ненавистное личико!

Родители Анатолия были людьми привлекательными, но внешность их отнюдь не могла считаться эталоном классической красоты, поэтому они только диву давались, глядя на своего сына, который обладал тонкими, почти девичьими чертами и такой нежной кожей, что при малейшем волнении щеки его заливались ярким румянцем – «цвели как маков цвет», по выражению одного из его приятелей, которые его искренне любили за добродушие и щедрость, однако никогда не упускали случая посмеяться над его исключительной красотой. Прозвище его на факультете было Гиакинф¹⁴, и хотя Анатолий, услышав его, немедленно лез в драку, всерьез его никто не бил, потому что рука не поднималась изувечить эти поистине совершенные черты.

¹⁴ Гиакинф (Гиацинт) – в греческой мифологии любимец Аполлона. Во время соревнований в метании диска Аполлон случайно убил Гиакинфа. На том месте, куда упали капли крови, выросли прекрасные цветы. Гиакинф читается воплощением изнеженной юношеской красоты.

Впрочем, о том, чтобы себя изуродовать, Анатолий и сам не раз помышлял, потому что искренне ненавидел свою обворожительную внешность. Однако самому резать себя бритвой было бы, во-первых, унизительно и глупо; вдобавок он вообще не пользовался бритвой, потому что на его подевичьи гладком лице волосы отчего-то не росли.

Из-за этого Анатолий не без тайного страха считал себя гермафродитом, хотя обладал всеми мужскими первичными половыми признаками, причем такими, которым мог был позавидовать даже самый brutальный мужлан.

Иногда ему пытались оказывать внимание господа известной породы, особенно актеры или поэты, но это вызывало в нем брезгливость и отвращение; равно с ними гонялись за Анатолием и самые привлекательные особы дамского пола, хотя ни одна из них не взволновала его воображение настолько, чтобы он решился расстаться с невинностью. В конце концов, в погоне за той же неуловимой мужественностью он доверился с этой проблемой вышеупомянутой Галочке и на некоторое время сделался завсегдатаем публичных домов, однако врожденная брезгливость вскоре отвратила его от удовольствий такого рода, тем более что менять классическую форму носа с помощью венерических заболеваний ему не просто не хотелось, но было глубоко противно.

Словом, измениться к лучшему (в его понимании) Анатолию не удавалось, поэтому он и улыбнулся скептически в ответ на слова отца, однако промолчал, не желая огорчать

его своим цинизмом.

Впрочем, прекрасная погода, запах моря, прелесть Териоки, хорошенькие дачки, видневшиеся в садах и палисадниках тут и там, да и вообще вся атмосфера летней праздности очень быстро улучшили настроение Анатолия, а уж когда мать, которая была откровенно рада его приезду, усадила за обеденный стол на террасе, все вообще показалось великолепным.

Фасад дома обращен был не к улице, а в тенистый сад, в котором росли вековые дубы. Терраса была застеклена; над ней нависал открытый балкон, и Анатолий, зная, что это балкон его спальни, уже предвкушал, как будет любоваться оттуда, с высоты, окружающими садами.

У террасы росло множество сиреневых и шиповниковых кустов, за ними поднимались яблони и вишни, а за забором виднелась коричневая крыша другой дачи.

– Новый дом? – спросил Анатолий, вспоминая, что раньше за забором можно было наблюдать только рожицу. – Новые соседи? Кто такие?

– Да, новые, – кивнул Дмитрий Ильич и тотчас заговорил о другом: – В этом году грибы пошли рано. Целыми корзинами подосиновики и подберезовики ношу.

– Вижу, вижу, ем, ем, – весело отозвался Анатолий: перед ним стояла полная тарелка жареных грибов в сметане. – А кто в этом новом доме живет?

– Дачники, кто еще? – небрежно пожал плечами отец и

продолжил свой рассказ: – Когда грибы пошли, здешние их начали собирать ну просто немилосердно! Всю округу прочесывали. А я облюбовал один дальний косогор, куда никто не заглядывал, и оттуда притащил несколько корзинок. Но один ушлый господин заметил, откуда я добычу ношу, и решил меня прогнать. Ты только вообрази: придет на косогор и ну стрелять из револьвера то в одних, то в других кустах! Но я же знал, что в меня он стрелять не станет, а потому не обращал на него никакого внимания. Пока он бежит от куста к кусту да пули тратит, я корзинку наберу. Ну и переупрямил его. Давненько он что-то не появлялся, а мы что ни день, то грибы и сушим, и жарим, и супы отменные едим, пироги печем, и соседям иногда приносим.

– Вон тем? – спросил Анатолий, кивая на дом за забором. Казалось странным, с какой настойчивостью отец пытался перевести разговор, чуть только он заходил о новых соседях.

– В том числе, – кивнул отец и начал хвалить кулинарные таланты жены, но Анатолий удивленно спросил:

– Что ж там за особы живут, что ты о них даже говорить не хочешь? Чем они тебе досадили? Бранчливые, что ли? Шерстят?

Отец расхохотался. Это было их семейное словцо: еще в детстве, когда шерстяной башлык, который на Анатолия надевали зимой, начинал колоться, мальчик ныл: башлык, мол, шерстит!

– Да нет, хорошие, простые люди, – ответил Дмитрий

Ильич. – Сынок у них болезненный, иногда меня к нему зовут. Да и сам Филатов тоже простудился недавно.

– Ага, значит, их фамилия – Филатовы, – сделал простой вывод Анатолий.

Дмитрий Ильич слегка нахмурился, словно подсадовал на себя за обмолвку.

Настроение у него явно испортилось, но Анатолий не мог понять отчего. Впрочем, он решил не продолжать разговор, который был отцу неприятен. Вот только почему у матери сделался такой встревоженный вид?... Что-то не так с этими Филатовыми, но что?

Да ладно, какое его дело, в конце концов?

После сытного обеда стало клонить в сон. И воздух был сладок, и спокойствие реяло в нем, как аромат цветов... «А почему бы не вздремнуть?» – подумал Анатолий и только собрался подняться в свою комнату, как вдруг испуганный девичий голос нарушил тишину:

– Дмитрий Ильич! Дмитрий Ильич!

Отец так и вскинулся, бросился к перилам:

– Анна Федоровна? Это вы? Что случилось?

– Сереже опять плохо! – раздался крик. – Пожалуйста, идите!

– Иду! – ответил отец, исчезая в комнатах и через мгновение выбегая оттуда со своим медицинским саквояжем.

Секунда – и его не стало на террасе. Прошумели кусты, трава – и стало тихо.

Анатолий изумленно посмотрел ему вслед, потом перевел взгляд на мать.

Вера Савельевна стиснула дрожащие губы. Глаза были полны тревоги, на щеках появились красные пятна – значит, близки слезы. Она сняла красивый кружевной передник, нервно скомкала, потом зачем-то аккуратно развесила на перилах террасы... мысли ее сейчас явно были не о переднике!

«Что происходит? – изумился Анатолий. – Отец сорвался с места, будто его позвали, по меньшей мере, к умирающему брату! Мама, такое впечатление, сейчас заплачет. Неужели им так дороги эти люди? А мне сначала показалось, что, наоборот, между ними неприязненные отношения...»

– Я принесу мед, – сказала мать, выходя, и Анатолий понял, что она не хочет никаких вопросов о соседях.

Загадочно... Очень загадочно!

Королевство Румыния, Бухарест, 1919 год

Спустя два часа после того, как Самойленко вышел из сарая, откуда подсматривал за неизвестной девушкой, его дряхлый ржавый «Форд», грохоча, как старая железяка, остановился на шоссе Киселёфф, около здания бывшего русского посольства, бесцеремонно нарушив тишину этого спокойного аристократического района. Самойленко вошел в незапертые садовые ворота. Машина была открытая, поэтому белый дорожный плащ Самойленко стал серым от пыли, и Поклевский сочувственно покачал головой, вглядываясь в усталое лицо своего секретаря.

Станислав Альфонсович снял со спиртовки уже готовый маргиломан¹⁵, наполнил расписные фарфоровые чашечки, подал стаканчики с холодной водой.

– Ну, Тарасий Данилович? – спросил он нетерпеливо. – Не томите! Как на ваш взгляд? Похожа... на нее?

Самойленко с трудом сдержал усмешку: настолько интонация его высокообразованного начальника была похожа на интонацию тёмного монастырского сторожа. Оба они полны надежд, оказывается! И даже Поклевский мечтает о невозможном!

¹⁵ Турецкий кофе с ромом или коньяком.

Самойленко ответил ему почти теми же словами, что и сторожу:

– Я плохо разглядел эту девушку. По-моему, совсем мало общего с Анастасией Николаевной. Однако, возможно, ей кто-нибудь сказал, что она слегка похожа на великую княжну, вот она с какой-то крестьянской хитростью и решила попробовать поморочить людям головы. А люди охотно позволили ей сделать это.

– Да, дело совершенно не в этой маленькой захолустной самозванке, – задумчиво проговорил Поклевский, – а в нашей радостной готовности обманываться. Однако и тут не без пользы! В этой истории видно томление народа по нормальной жизни, по сильной государственной власти. Народу нужна монархия!

– Возможно, – осторожно согласился Самойленко. – А вы не думаете, что появление этой девушки могло быть разработано большевиками? Сперва выдумать «воскресение» Анастасии, а потом разоблачить, чтобы внести новую смуту в народные головы?

– Ну, эти штуки вряд ли им выгодны, – скептически пожал плечами Станислав Альфонсович. – Вспышка патриотизма, тоски по прошлому? Зачем?! Таких чувств пробуждать они не любят. Не вижу для них в этом выгоды.

– Пожалуй, вы правы, – вздохнул Самойленко. – Извините, от кофе я откажусь. Такое ощущение, что насквозь пропылился в дороге. Поеду домой, с вашего разрешения: по-

скорей хочется вымыться.

– Конечно, конечно, – сочувственно улыбнулся Поклевский. – Отдыхайте. А документами с вечернего заседания Нансеновского комитета займемся завтра.

Самойленко откланялся, и вскоре его «Форд» снова взржал своим тарахтением благодатную тишину шоссе Киселёфф.

Поклевский недоуменно поднял брови. Показалось или в самом деле шум фордовского мотора удалялся не южнее, в сторону Страда Паркулюи, тихой улочки, вполне оправдавшей свое название – Парковая, где снимал квартиру Самойленко, а в противоположном направлении – за Паркуль Киселёфф, к центру города?

– Наверное, показалось, – пробормотал себе под нос Станислав Альфонсович по привычке одинокого человека, привыкшего вслух беседовать с самим собой, и вернулся к делам.

А между тем ему не показалось: «фордик» Самойленко и в самом деле направился в центр, к бульвару Дачия, и там остановился около Поста Романа, главпочтамта румынской столицы. Время близилось к полуночи, однако телеграфный отдел работал круглосуточно. Тут же была совсем недавно установлена телефонная будка для междугородных и даже международных переговоров. Бухарест изо всех сил старался поддерживать репутацию «маленького Парижа», которую пока оправдывали только исключительно красивая застрой-

ка центральных кварталов, изобилие казино, роскошных ресторанов и проституток. Круглосуточная работа телеграфа была более убедительным шагом в этом направлении, сделанным по инициативе его величества короля Румынии Фердинанда.

Выложив немалое количество лей¹⁶ и восхищенно поглазев на дежурную телеграфистку – красивую волоокую домнешуару¹⁷ с длинными черными косами, – Тарасий Данилович заказал сверхсрочный разговор с Берлином.

Домнешуара изумленно уставилась на него своими дивными черными очами: уж очень не вязался такой важный заказ с обликом невзрачного, усталого, покрытого толстым слоем дорожной пыли субъекта. Обычно международные разговоры заказывали лошечные, отлично одетые господа, говорившие с английским, немецким или французским акцентом. Опытное ухо телефонистки подсказало ей, что запыленный субъект – или поляк, или русский, а значит, не имел никакого права на ее благорасположение. И содержание его переговоров телеграфистку ничуть не заинтересовало, хотя, по долгу службы, она должна была подслушивать и записывать для Сигуранцы¹⁸ переговоры официальных лиц. Но, во-первых, запыленный господин совершенно не походил на официальное лицо, во-вторых, телеграфистка не знала русского

¹⁶ Лея – румынская денежная единица.

¹⁷ Домнешуара – девушка (*румынск.*).

¹⁸ Сигуранца – тайная полиция в Румынии до 1944 г.

языка, а заказанный разговор с господином Боткиным шел именно по-русски.

Бывший посол Российской империи в Румынии Станислав Альфонсович Поклевский-Козелл был бы очень озадачен, услышав этот разговор!

– Здравствуйте, Сергей Дмитриевич¹⁹. Это Самойленко, – начал Тарасий Данилович.

– Я ждал вашего звонка, – ответили ему. – Удалось пови-
дать ее?

– Удалось.

– И каково ваше мнение?

– Почти убежден, что это та самая девушка, которую я видел однажды в ставке государя-императора в Могилёве, – с воодушевлением сообщил Самойленко. – Я запомнил это ее характерное движение – замереть, независимо вздернув подбородок... И смех, ее особенный хрустальный смех! Поверьте, что та, *другая*, вернее, *первая*, смеялась совсем иначе! Это сенсация, самая настоящая сенсация!

– Никаких сенсаций! – последовал приказ. – Пока полное молчание. Скажите, а вы ее видели в ставке однажды или несколько раз?

– Ее – один раз, – ответил Самойленко.

¹⁹ Сергей Дмитриевич Боткин (1869–1945) – российский дипломат. В 1919–1920 гг. был послом России (правительств Колчака и Деникина) в Берлине, возглавляя также Русский Красный Крест. В 1920–1936 гг. в Берлине возглавлял Организацию защиты интересов русских беженцев в Германии и фактически представлял перед властями всю русскую эмиграцию в этой стране.

– А еще когда-нибудь видеть семью государя в Могилёве вам приходилось? – вкрадчиво спросил Боткин.

– Да, конечно, – пылко подтвердил Самойленко. – Причем именно *семью государя!* С ними тогда были великий князь Александр Михайлович и его супруга Ксения Александровна, а на них, насколько мне известно, хлопоты господина Столыпина и созданного им Особого отдела не распространялись. Едва ли они были в курсе придуманных им мистификаций и согласились бы в них участвовать!

– Значит, вы подтверждаете, что это та самая девушка, которую вы видели в ставке? – настойчиво повторил Боткин. – И готовы в этом поклясться?

– Сергей Дмитриевич, вы не раз имели случай убедиться в моей безупречной зрительной памяти, – с некоторым оттенком обиды проговорил Тарасий Данилович. – Да, я подтверждаю: это она. И я готов в этом поклясться!

– Отлично... – протянул Боткин. – Надеюсь, ваш шеф ни о чем не подозревает?

– Вы имеете в виду Козла? – не без презрения поинтересовался Самойленко. – Но я-то считаю своим шефом вас...

– Кстати, вы слышали очень забавную историю, которая касается фамилии Станислава Альфонсовича? – усмехнулся Боткин, пропустив мимо ушей эту отнюдь не тонкую лесть.

– А что за история? – живо поинтересовался Самойленко.

– Наш бывший военный министр Сухомлинов полагал, что эта часть фамилии – Козелл – компрометирует и самого

Поклевского, и весь русский дипломатический корпус. Поди-ка объясни всем, что буквы «ё» там нет, надо ставить ударение на «о», да еще и писать слово «Козелл» с двумя «л»! Однако обсуждаемое лицо не согласилось на перемены в родовой фамилии, и Сухомлинов направо и налево рассказывал: «Поклевский и слышать не хочет никаких доводов, говорит, что если уберут *Козла*, то и он уйдет». Забавно, не правда ли?

Самойленко угодливо хохотнул, хотя в 1915 году, когда эта история произошла, ее не повторял только ленивый как в Румынии, так и в Министерстве иностранных дел, при котором Самойленко служил тогда курьером по особым поручениям, поэтому она была ему отлично известна.

Однако смех смехом, а время разговора шло, причем каждая секунда истощала и без того довольно тощий кошелек Самойленко, поэтому он не вполне уключе вернулся на более деловую стезю.

– Господин Поклевский услышал от меня совершенно другую версию, – заверил он Боткина. – Что прикажете делать дальше? Может быть, мне есть смысл попытаться встретиться с ней?

– Ни в коем случае не делайте ничего подобного! – последовал категоричный ответ. – Ваше дело – в течение ближайших трех дней получать информацию, остается ли интересующая нас особа на месте, не собирается ли куда-то уехать, а буде она все же куда-то направится, вы должны точно знать,

в каком направлении отбыла, где ее искать.

– В течение трех дней? – удивленно повторил Самойленко. – А потом?

– Потом приедет мое доверенное лицо, – пояснил Боткин. – Оно отправится из Берлина ближайшим поездом. Приедет – и сразу свяжется с вами.

– Каким образом я узнаю вашего человека? – с любопытством спросил Самойленко.

– Да самым простым, – ответил Боткин. – Это мой двоюродный племянник – Глеб Евгеньевич Боткин²⁰, вы с ним знакомы. Он сейчас в Берлине инкогнито. Приехав в Бухарест, он вас сам найдет. Надеюсь, вы понимаете, что и его визит, и встреча с... с интересующей нас особой должны остаться в строжайшей тайне от Поклевского! Конечно, сейчас он бывшая «персона грата», с которой можно не считаться, однако, устраивая дела эмигрантов, каждый на своем месте, мы с ним воленс-ноленс иногда пересекаемся, поэтому не хочется преждевременных разговоров.

– Это само собой разумеется, – пробормотал Самойленко. – Однако игуменья православного монастыря, от которой Поклевский узнал об этой девушке, – его давняя знакомая, чуть ли не подруга детства. Она наилучшим образом осведомлена обо всех событиях, которые происходят в округе.

²⁰ Глеб Евгеньевич Боткин (1900–1969) – иллюстратор, писатель, публицист; основатель и епископ новоязыческой Церкви Афродиты в США. Сын лейб-медика Е. С. Боткина, расстрелянного вместе с царской семьей в Екатеринбурге.

И, конечно, приезд Глеба Евгеньевича к...

– Не волнуйтесь, – снисходительно усмехнулся Боткин. – Глеб будет соблюдать строжайшую конспирацию.

После этих слов в трубке раздался неприятный шум, и волюющая домнешеуара сообщила, что разговор прервался из-за неполадок на линии, которые будут через некоторое время устранены.

Самойленко с полчаса ждал, однако устранения этих неведомых неполадок не дождался, простился с откровенно зевавшей телеграфисткой и, сам отчаянно зевая, направился с бульвара Дачия домой. Проезжая по шоссе Киселёфф мимо бывшего российского посольства, он печалился о том, что ни о каких подъемных суммах, которые ему давно следовало бы от Сергея Дмитриевича Боткина получить, и речи не шло. Размышлял Самойленко также о том, какой личный интерес преследует во всей этой темной истории сам Боткин – опытный дипломат и завзятый интриган, как, впрочем, всякий политик. Он ведь вполне отдает себе отчет, что намерен бросить на карточный стол политической игры даму из другой колоды!

Окрестности Перми, 1918 год

Слухи о девушке, которую захватили красноармейцы и которая назвалась царевной Анастасией Николаевной, за ночь распространились по округе. Кому-то проболтался телеграфист Максим Григорьев, кому-то – Иосиф Уткин, один из красноармейцев, у которого на разъезде жила родня. Тогда же стало известно, что да – девушка подверглась в вагоне 21-й роты насилию, но вовсе не каждый из солдат захотел принять в этом участие. Мучили ее Мишка, Иван да те трое других, которые помогали ее задержать. На остальных ее клятвы в том, что она великая княжна Анастасия Николаевна, произвели большое впечатление. И как ни старался Мишка Кузнецов уверить, что никакая она не царевна, а Настя Григорьева из деревни Нижняя Курья, укравшая шубу, его только на смех поднимали, потому что Настю Григорьеву все прекрасно знали, у нее с этой девушкой никакого сходства не было, и никто не понимал, с чего рыжий Мишка упорствует в своей дурости. Видать, потому что самый настоящий дурак. Ну а умные старались держаться подальше от этой девки, которую в одночасье сделали бабой, но пачкаться в таком темном деле, многие нутром чуяли, было опасно!

Ночь миновала, а на рассвете Кузнецов и Петухов вытолк-

нули девушку из вагона и куда-то повели. Она шла с трудом, понутив простоволосую, растрепанную голову и зябко кутаясь в шинель Гайковского.

Максим Григорьев увидел их из окошка своей будки и побежал на крылечко:

– Эй, куда вы ее?

– Ноги сушить повели! – крикнул опухший от спирта Мишка Кузнецов, а Петухов захохотал.

Григорьев с этой разухабистой революционной солдатней уже много чего навидался, да и то схватился за сердце. Девушка тащилась безучастно – видно, не поняла страшного значения этих слов. Да ведь ноги сушить – это повесить! А может быть, она все поняла, но была настолько измучена, что смерть представлялась ей лучшим выходом.

Тут Григорьев заметил дрезину, которая приближалась со стороны города. В ней находились двое мужчин: один в ватнике, другой в шинели, а с ними рядом – женщина в кожанке, какие носили комиссары, и кумачовой косынке, низко надвинутой на лоб. Мужчины изо всех сил качали рукоять дрезины, а женщина, привстав, махала рукой и что-то кричала, но ветер дул встречный, и до Григорьева долетали только обрывки слов:

– ...ойте!..те!

Впрочем, этого Григорьеву оказалось довольно, чтобы все понять и тоже закричать вслед Петухову и Кузнецову:

– Стойте! Да стойте же!

Женщина была похожа на комиссаршу из чрезвычайки, значит, обладала какой-то властью, возможно, и немалой. А вдруг спасет жизнь бедной девушке?! Кем бы она там ни была...

Кузнецов оглянулся, посмотрел на приближавшуюся дрезину, что-то сказал Петухову. Тот сперва отмахнулся, потом тоже начал тревожно озираться.

Дрезина остановилась, мужчины бросились к солдатам и девушке, и Григорьев разглядел, что один мужчина — это Гайковский. Второго Григорьев видел впервые.

Женщина тоже выбралась из дрезины. Из-под красной косынки виднелись белокурые волосы; она была среднего роста, плотная, крепко сбитая, с решительным выражением красивого, хоть и грубовато вытесанного лица.

Теперь Григорьев узнал и ее. Это оказалась Ираида Юрганова, большевичка, чекистка.

Ай да ну! Ай да упрямец Гайковский! До города добрался, до чрезвычайки дошел и вернулся с подмогой! И еще с какой...

И Григорьев снова удивился такой хлопотливости Гайковского. А потом пожалел, что вчера не послушался этого солдата и не связался, как тот просил, по телеграфу с чекой. Как бы эта трусость ему нынче боком не вышла!

На всякий случай Григорьев вернулся в будку и засел за телеграф, словно надеялся, что близость этого важного устройства защитит его, если вдруг чекистка Юрганова взду-

мает расправиться с ним за упущение.

– Но ведь я могу сказать, что телеграф не работал? – пробормотал Григорьев, словно советуясь с аппаратом, но украдкой поглядывая в окошко.

Слышать он ничего не слышал, но видно было, как чекистка, стоя напротив Кузнецова и Петухова, широко открывает рот. Лицо у нее было красное – в цвет кумачовой косынке! – и злое. Похоже, она орала на солдат и грозила им не только своим крепеньким кулачком, но и словами, причем эти угрозы их очень сильно напугали. Физиономии Мишки и Ивана вытянулись, побледнели, ну а девушка по-прежнему стояла понурая, безучастная, словно происходящее ее не касалось.

«Да уж, сделанного не поправишь, – вздохнул Григорьев. – Досталось ей, бедной...»

Между тем из вагона повысыпали еще солдаты, построились. Ираида Юрганова обратилась к ним с короткой речью, а потом она и тот мужчина, который приехал вместе с ней, направились к дрезине, о чем-то споря между собой. У Григорьева создалось впечатление, что они на какое-то мгновение забыли о девушке. Тем временем Гайковский подошел к ней, снимая с себя ватник и протягивая ей. Она вяло потащила с плеч шинель, и Григорьев понял, что Гайковский, отдавший ей еще вчера свою шинель, просто предлагает поменяться. Помогая ей, он наклонился к ее уху и, как показалось Григорьеву, что-то быстро, тихо сказал. Конечно, рас-

слышать эти слова Григорьев никак не мог, однако девушка словно бы оживилась немного.

Интересно, чем Гайковский ее обрадовал? Да чем ее теперь вообще обрадовать можно?!

И Григорьев снова сочувственно вздохнул.

В эту минуту Ираида Юрганова оглянулась, сердито махнула рукой и прикрикнула на Гайковского. Он отошел от девушки и, натягивая шинель, пошел к вагону, около которого топталась 21-я рота. Солдаты расспрашивали Петухова и Кузнецова, хохотали, а те зло отбrehивались.

Дрезина тронулась. Теперь рукоять качал мужчина, который приехал с Юргановой, а Ираида пристально всматривалась в свою соседку. Девушка же отворачивалась – то ли от этого назойливого, недоброго взгляда, то ли от встречного ветра.

Потом дрезина исчезла из поля зрения связиста Максима Григорьева, да и телеграфный аппарат как раз подал сигнал, поэтому он отошел от окна и взялся за работу, но мысли его нет-нет да и возвращались к девушке, и он размышлял, что же с нею случилось дальше.

Берлин, 1920 год

... Ветер носился по улицам, бил в спину и резал лицо. Уже в девять вечера Берлин резко пустел – за исключением лишь некоторых центральных кварталов. Трамвай, похожий на призрак со светящимися глазами, вынырнул из пелены дождя, скрипя и качаясь на поворотах, будто от крайней усталости, и замер.

Открылись двери. Молодой человек, русский эмигрант в обтрепанном, выношенном пальто и мятой шляпе, похожей на шляпку полусгнившего гриба, вскочил в трамвай, успев стряхнуть с зонта в дверь, пока она не закрылась, дождевые капли, и прошел в вагон, где в этот поздний час было много свободных мест.

Трамвай тронулся. Редкие фонари качались под ветром на столбах, населяя округу пугающими тенями. Улицы в темноте казались непривычно тесными и маленькими.

Молодой человек любил стихи и сейчас вспомнил строки Максимилиана Волошина: «В дождь Париж расцветает, словно серая роза», – а потом подумал, что Берлин в дождь съёживается, словно шагреновая кожа!

Мелькнула и исчезла сгорбленная фигура шарманщика, замершая на углу. Молодой человек слабо порадовался, что шарманщик остался позади: уж очень жалко плакала шарманка, уж очень несчастным выглядели старик и его на-

сквозь промокший попугай, который только что вытащил для молодого человека из мокрой коробочки мокрый билетик с «судьбой».

Расплатившись и усевшись, молодой человек развернул билетик. «Судьба» тоже оказалась изрядно подмоченной, и слово, написанное химическим карандашом, удалось разобрать не без труда: Ranke.

Русский эмигрант озадачился, ибо в переводе на русский это означало вьющееся растение. Поразмыслив, он счел, что сначала здесь было написано Ränke – «интрига».

Криво усмехнувшись, молодой человек пожал плечами и, скомкав мокрую бумажку в комочек, сунул ее в карман: в былые времена, в другой стране, его строго воспитывали, и даже сейчас, спустя много лет, вывернувших его наизнанку и заставивших совершенно перемениться, он не мог себе позволить еще больше мусорить даже на и без того замусоренном полу.

Интрига, ну надо же! Может быть, интрижка? Любовная интрижка?

Да его жизнь и без всяких попугайных предсказаний была полна интрижками! Правда, любовными их не назвала бы даже самая романтическая натура. Это были торопливые гнусные совокупления, которые наполняли молодого человека отвращением к себе и глубине своего падения.

Впрочем, он ненавидел долго заниматься самобичеванием. Пустое занятие, которое укорачивает жизнь. А он не для

того бежал год назад из Крыма, едва спасшись от страшной смерти, чтобы сдохнуть в Берлине от ненависти и презрения к себе. Поэтому молодой человек отогнал гнусные, вредные мысли и огляделся.

Кондуктор, стоя на задней площадке, подсчитывал мелочь, выгребая ее из одного кармана своей сумки из эрзац-кожи и пересыпая в другой. Бородатый старик подремывал на сиденье, прижимая к груди большой каравай хлеба, завернутый в старую газету; болезненно-толстая женщина устало рассматривала свои разбитые башмаки, впившиеся в отекающие ноги... Вагон летел вперед, подскакивая на рельсах, притормаживая перед остановкой.

Какая-то женщина сидела на скамеечке, низко опустив непокрытую голову.

Трамвай замер, гостеприимно распахнул дверцы. Женщина не шевельнулась. Дверцы начали смыкаться, и в это мгновение она бросилась вперед и успела вскочить в вагон как раз перед тем, как дверцы закрылись.

Кондуктор что-то укоризненно пробормотал, и женщина извиняющимся тоном ответила. Заплатила за билет и села наискосок от молодого человека, лицом к нему.

Он бросил в ту сторону сначала беглый взгляд, потом всмотрелся в женщину пристальней.

Она была маленького роста, болезненно-худая, с темными волосами, а может быть, они просто казались такими оттого, что промокли. На вид ей можно было дать лет двадцать или

немного больше. На ней были надеты черная юбка, черные чулки и светлая полотняная блузка, на которую она накинула шерстяной плед, заменивший пальто. На худых ногах высокие черные шнурованные ботинки, ностальгически напоминавшие молодому человеку ботинки русских гимназисток. Правда, эти были поглубей и тоже, конечно, из эрзац-кожи.

Впрочем, теперь в Берлине всё было эрзацем! В кафе подавали желудевый кофе, на хлеб вместо масла намазывали маргарин, курили вместо табака сушеные капустные листья, а вместо рубашек носили манишки. Все это уклончиво называлось Ersatzstoff – заменителем.

Что-то в чертах миловидного, однако очень бледного, истощенного и усталого лица этой женщины показалось молодому человеку знакомым.

Скорее всего, она тоже из эмигрантов. Русских в Берлине было так много, что анекдот, рассказанный писателем Львом Лунцем, уже не воспринимался анекдотически: едва приехав в Берлин, он решил узнать у первого попавшегося прохожего, где находится такая-то улица. Тот взглянул с надеждой и спросил на отличном русском языке: «А может быть, вы русский?...»

По мнению берлинцев, в городе было слишком много иностранцев, однако все русские и в самом деле там и сям натывались на лица, которые напоминали кого-то из прошлой, забытой жизни. Знакомые черты то и дело, кстати и некстати, выглядывали из закоулков забытого былого, и чем долъ-

ше молодой человек смотрел на эту женщину, тем явственней убеждался в том, что и впрямь когда-то знал ее. Наверняка она выглядела тогда несколько иначе – может быть, была чуть полнее, уж наверняка веселее и оживленнее, – а еще с ней были связаны какие-то очень приятные воспоминания... что-то словно бы украдкой улыбалось в его охладелом сердце, когда он смотрел на это хорошенькое, хотя и измученное личико.

Если бы ему удалось перехватить взгляд девушки, он, возможно, сразу узнал бы ее и вспомнил, где они встречались, однако ее глаза были обращены к окну, и чем дольше она в него всматривалась, тем более затравленным и испуганным становилось выражение ее лица.

Тогда молодой человек тоже взглянул на улицу и увидел почти вплотную с освещенным окном вагона окно черного «Опеля», а за его стеклами два бледных мужских лица, похожих на маски.

Трамвай с нервным звонком ускорил свой лёт по рельсам. Автомобиль, словно испугавшись, свернул в сторону и исчез во мраке.

Девушка вздохнула с явным облегчением и, вскочив, бросилась к двери: приближалась остановка. Держась за поручень, она резко вздернула голову. Это движение было таким независимым и высокомерным, что молодой человек в это самое мгновение вспомнил ее – вспомнил, когда и где они виделись!

Это воспоминание заставило его на миг остолбенеть. Оно было слишком невероятным, чтобы оказаться правдивым! Оно просто не могло быть правдивым!

Трамвай затормозил; девушка вышла.

Пораженный, растерявшийся, русский эмигрант все же погнался за призраком минувшего, однако замешкался и еле успел проскочить в уже закрывающуюся дверь трамвая. Он бросился вслед стремительно удалявшейся фигуре, однако не глядел под ноги и влетел в изрядную лужу. Поскользнулся, чуть не упал, замешкался еще больше; начал бестолково оглядываться, не сразу сообразив, в какую же сторону пошла девушка. И вдруг разглядел под фонарем тот самый черный «Опель», который, оказывается, спокойно притаился в сторонке. Дверцы его были распахнуты, и какой-то мужчина старательно заталкивал туда девушку. Она не звала на помощь, но пыталась сопротивляться, впрочем, вяло, словно не верила тому, что с ней происходит.

– Стойте! – вскрикнул молодой человек, однако его никто не услышал, а может быть, его просто не сочли достойным внимания.

Через секунду девушку впихнули в автомобиль; следом вскочил мужчина; другой, остававшийся за рулем, нажал на газ, и черный сверкающий зверь, отравив сырой и свежий февральский вечер вонючим выхлопом, исчез в темноте.

Молодой человек растерянно огляделся. Он был совершенно уверен в том, что на его глазах совершилось преступ-

ление, причем девушка стала его жертвой именно из-за своего прошлого, которое было ему известно. Эти двое не походили на грабителей, которые польстились бы на содержимое ее сумочки, тем более что сумочки при ней не было. Вряд ли она, такая измученная и невзрачная, вызвала бы порыв жгучего желания у каких-нибудь искателей плотских удовольствий, тем паче что на Егерштрассе или на Александерплац проститутки зазывали клиентов в любое время дня и ночи, в любое время года и любую погоду. Опять же, в Берлине в последнее время пооткрывалось множество семейных публичных домов, точнее, домиков, – таких уютных бордельчиков. Клиент приходил; его кормили домашним ужином, потом дочь или дочери, а иногда и матушка, если она была еще молода и привлекательна, пели и танцевали для него; он делал выбор и удалялся с той или иной дамой в отдельную комнатку на час или на ночь; остальные члены семьи отправлялись спокойно спать, кроме отца или старшего сына, которые укладывались у входной двери – на случай попытки гостя смыться, не заплатив.

Словом, современный Берлин предоставлял более или менее состоятельному мужчине массу возможностей поразвлечься, но не ввязаться при этом в криминал. А тут налицо был явный криминал!

Русский эмигрант огляделся, чтобы кликнуть полицейста²¹, однако в обозримом пространстве никого не обна-

²¹ Polizist – полицейский (нем.).

ружил, зато увидел медленно ползущий черный крытый «Даймлер» с желтым клетчатым трафаретом на капоте. Еще довоенные «Даймлеры» с брезентовым верхом составляли теперь большинство берлинских таксомоторов.

– Такси! – закричал молодой человек во весь голос и замахал руками. – Сюда!

Конечно, вид у него был не вполне подходящий к этому еще презентабельному авто, выпущенному году этак в 1907-м, однако водитель все же свернул к кромке тротуара. Не дожидаясь, пока тот исполнит неременный ритуальный танец: выйдет, распахнет перед пассажиром дверцу и, сняв фуражку, сделает полупоклон, молодой человек вскочил на заднее сиденье и крикнул:

– Следуйте вон за тем черным «Опелем»!

Шофер повернулся к нему и уставился вопросительно.

Молодой эмигрант сообразил, что от волнения заговорил по-русски, и повторил свой вопрос по-немецки.

– Это почему я должен за ним следовать? – высокомерно произнес водитель.

Молодой человек удивленно взглянул на него.

Удивляться было чему! Ведь отношение берлинских таксистов к русским пассажирам было более чем уважительное. Очень многие из первых эмигрантов были носителями твердой валюты, на которую они обменивали вывезенные из России драгоценности. В Берлине, где инфляция достигала трех тысяч процентов, а в обращении находились банкноты но-

миналом в сто триллионов марок, они поначалу могли себе позволить очень многое. В первое время благополучие берлинских таксистов поддерживали именно русские пассажиры. И не важно, как они выглядели: любой из них, пусть даже в шляпе грибом, как у Анатолия, и в башмаках, которые просили каши и запивали ее водой из луж, мог оказаться вполне платежеспособен и даже готов щедро дать на чай.

Неужели кто-то из русских эмигрантов не заплатил этому таксисту за проезд, что он так воинственно настроен?

– Поезжайте! – сердито прикрикнул молодой человек, выгребая из кармана пальто несколько долларов, заработанных им вчера, и потрясая ими. – Если вы упустите тот автомобиль, случится несчастье!

– А мне плевать, что с тобой случится! – выкрикнул водитель. – Жаль, что еще вчера не набил морду тебе и тому борову, который был с тобой, но уж сегодня ты от меня не уйдешь, рабенаас²²!

И тут до молодого человека дошло, что по какому-то мерзкому совпадению, на которые иногда столь гораздо судьба, он вчера ехал именно в этом такси вместе со своим другом, и тот вел себя гнусно, настолько гнусно, что молодой человек и сам едва сдерживался, чтобы не наброситься на него с кулаками. Но деньги, ему нужны были деньги... поэтому он всё вытерпел. Вдруг вспомнилось выражение французских проституток, которые жеманно бормочут, получая от клиен-

²² Rabenaas – сволочь (нем.).

та плату «за любовь»: «Merci! Quelle salete€ que l'argent!»²³

Но сейчас молодому человеку было совсем не до драки с обидчивым берлинцем. Он взялся было за ручку двери, чтобы выйти, однако шофер одной рукой схватил его за ворот, подтянул к себе и нанес свободным кулаком такой удар в лицо, что сломал пассажиру нос, а второй удар, в лоб, лишил его сознания. Он уже не чувствовал, как шофер вытащил его из автомобиля, сорвал с него шарф, с брезгливой аккуратностью вытер забрызганное кровью сиденье, швырнул шарф в лужу, обшарил карманы жертвы, забрал все деньги, бросил на тротуар драгоценный для всякого эмигранта нансеновский паспорт, а потом некоторое время с наслаждением пинал беспомощную жертву, продолжая твердить:

– Швуль²⁴, швуль поганый!

Наконец, выбившись из сил, а возможно, не желая нарушить шестой пункт Декалога²⁵, гласящий: «Не убий!», шофер плюнул на неподвижное тело, вытер пот со лба и уехал.

* * *

Примерно полчаса спустя полицейский патруль, обходивший район Потсдаменплатц, наткнулся на избитого, лежащего без сознания мужчину, рядом с которым плавал в луже

²³ Спасибо! Какая гадость эти деньги! (*франц.*)

²⁴ Немецкое оскорбительное слово Schwule – вроде нашего «пидор».

²⁵ Десять законов – греческое название десяти Божьих заповедей.

размокший документ. Начальник патруля при свете карманного фонарика разобрал штамп Nansen-Pässe²⁶, потом имя и фамилию и взгляделся в фотографию.

Если рассуждать логически, паспорт принадлежал избитому человеку, но уловить сходство тонких, красивых черт на снимке с распухшей массой, в которую превратили лицо жестокие удары, было трудно. Впрочем, начальник патруля все же отправил одного из своих подчиненных в ближайшую больницу – это был Элизабет-кранкенхаус²⁷ на Лютцовштрассе, – чтобы прислали карету за этим несчастным. Конечно, судя по нансеновскому паспорту и неудобосказуемой фамилии, это был русский, однако все же какой-никакой, а человек, тварь Божья, поэтому ему следовало оказать помощь. Правда, русские завели свою амбулаторию Красного Креста на Мариенштрассе, 30, однако сейчас, по позднему времени, она была уже закрыта, да и палат для пациентов там не имелось, так что Элизабет-кранкенхаус оставался единственным спасением для этого бедолаги.

²⁶ Нансеновский паспорт (нем.).

²⁷ Elisabeth-Krankenhaus – Елизаветинская больница (нем.).

Териоки, Выборгская губерния, Россия, 1916 год

Внезапно кусты снова затрещали, и от соседнего забора показался бегущий сломя голову Дмитрий Ильич:

– Забыл! Камфору забыл!

Анатолий дважды растерянно моргнул, а отец уже проскочил в дом и вылетел оттуда, сжимая в кулаке пузырек темного стекла – раствор камфоры на персиковом масле, который готовил он сам для подкожных впрыскиваний. Спрыгнул со ступенек террасы, но тут же с криком повалился на траву, высоко вскинув руку, в которой держал пузырек, чтобы тот не разбился.

– Папа!

Анатолий одним прыжком оказался рядом, взгляделся в мигом побледневшее лицо отца:

– Что? Нога? Как нога? Не перелом?

– Ерунда, вывихнул лодыжку, – прохрипел Дмитрий Ильич, с профессиональной стремительностью ставя диагноз. – Вправь! Быстро, ну!

Анатолий не зря был студентом-медиком, да еще сыном хирурга: вправить вывих, даже самый сложный, ему ничего не стоило. Короткий, болезненный крик отца – и лодыжка встала на место.

– Потерпи, сейчас наложим тугую повязку, – пробормотал Анатолий, намереваясь подхватить отца на руки и внести в дом, однако Дмитрий Ильич властно приказал:

– Некогда! Возьми вон фартук, зятяни. Потом отнесешь меня к Филатовым. Там нельзя ни минуты терять!

В голосе его была такая тревога, что Анатолий не стал спорить: расстегнул сандалию отца, осторожно ее снял и использовал вместо лубка, зафиксировав вправленную лодыжку с помощью материнского кружевного фартука, висевшего на перилах террасы. В другое время он не преминул бы поиронизировать, да и отец посмеялся бы над собой, но сейчас Дмитрия Ильича буквально колотило от беспокойства, причем отнюдь не за себя, поэтому Анатолий предложил:

– Давай я сбегаю к соседям. Что, подкожное впрыскивание нужно сделать?

– Да, мальчику с сердцем худо, – сказал отец, пытаясь подняться. – Но тебя одного они не впустят, бери меня на руки, неси!

Анатолий послушно поднял Дмитрия Ильича на руки и, спотыкаясь от тяжести, зашагал к забору, разделяющему участки.

Только он вошел в калитку, как на крыльце появился угрюмого обличья человек с бородой в косоворотке и поддевке. При виде его Анатолий неожиданно вспомнил, как в 1911 году они с матерью возвращались от киевских родственников. С ними был двоюродный брат Анатолия, годом

его младше, которого они возили с собой. За несколько дней до этого в киевском театре был убит Столыпин, все находились под впечатлением этого ужасного события. Только отъехали, к ним в купе вошел какой-то человек в поддевке и кофеворотке, в смазных сапогах, простонародного, развязного вида, которого хотелось назвать мужиком. Он бесцеремонно занял свободное место и, не обращая внимания на детей, начал вести себя настолько нахально и назойливо, что тринадцатилетний Анатолий, не выдержав, завизжал, чтобы «мужик» пошел прочь от мамы, не то он его застрелит.

Разумеется, стрелять было не из чего, но, заслышав его истошный крик и испуганный голос госпожи Башиловой, в купе заглянул кондуктор. Можно было ожидать, что мужик извинится, однако он сидел развалясь и только похихикивал, глядя на переконфуженного кондуктора.

Мать Анатолия взмолилась перевести ее с детьми в другое купе, что кондуктор и исполнил. Вскоре, уже в Петербурге, Анатолий, рассматривая картинки в журнале «Огонек», воскликнул: «Мама, смотри, этот человек ехал с нами в вагоне из Киева!» Мать сначала не поверила, но, взглянув на картинку, так и ахнула, узнав нахального вагонного соседа. Под картинкой было написано: «Григорий Распутин».

Вот и сейчас в первую минуту Анатолию показалось, что перед ними Распутин, однако появившийся на крыльце человек напоминал его только одеждой и звероватым видом.

– Это мой сын, – крикнул Дмитрий Ильич. – Я ногу вы-

вихнул, не могу идти, не могу стоять. Помоги, Клим!

Человек по имени Клим перехватил Дмитрия Ильича из рук Анатолия легко, будто малого ребенка, и понес было в дом, но Дмитрий Ильич сказал:

– Пусть сын укол сделает! Я не смогу сидя! Пропусти, Клим!

– Сами знаете, господин Башилов, что не велено, никак нельзя... – начал было Клим, однако в это мгновение из-за его спины появилась невысокая плотненькая девушка в белой свободной блузе и светлой юбке. Ее русые волосы были заплетены в две короткие толстые косы и перекинута на грудь.

– Ваш сын? – спросила она встревоженно. – Вы ручаетесь за него, Дмитрий Ильич?...

– Как за себя, – твердо ответил Башилов-старший, и девушка пристально взглянула на Анатолия своими светлыми глазами.

На вид ей было пятнадцать-шестнадцать лет, однако смотрела она по-взрослому серьезно и проникательно.

Анатолию показалось, что он уже где-то видел эту девушку, но сейчас не мог вспомнить где, а главное, не понимал причин для того, чтобы мерить его этим испытующим и даже подозрительным взглядом. Его поразило, что она не смутилась, не покраснела, не заиграла глазами – словом, никак не отреагировала на красоту его лица, а последнее было настолько для него привычно, что надоело до тошноты. Но сей-

час такое равнодушие, тем более от столь юного существа, не в шутку уязвило.

Он сам смутился, рассердился из-за этого и вызывающе бросил:

– Отец ногу вывихнул, так спешил доставить камфору вашему брату, а вы тут время тратите, чтобы меня рентгеном просветить!

Если он надеялся, что девушка растеряется, услышав слово, которое, конечно, не каждому-всякому было знакомо, то надеялся напрасно. Она только высокомерно вздернула голову и взглянула на Анатолия свысока, хотя вообще-то едва ли доставала ему до плеча. Но вот как-то так это у нее получилось – взглянуть свысока...

Но тут из дома донесся женский испуганный голос:

– Аня, скорей!

Девушка вздрогнула и, велев мужику:

– Пропусти, Клим! – бросилась в дом, сделав Анатолию приглашающий жест.

Он в два прыжка, через ступеньки, вскочил на невысокое крыльцо, чувствуя спиной колющий взгляд мужика, и прошел следом за девушкой сначала в сени, потом в просторную комнату, а затем в небольшую комнатку, где на кровати неподвижно лежал мальчик лет одиннадцати-двенадцати – бледный впрозелень.

Глаза его были незряче устремлены к потолку, на лице застыло испуганное выражение, он слабо хватал ртом воздух.

Двое, мужчина и женщина, находившиеся в комнате, при появлении Анатолия поспешно вышли через другую дверь. В их фигурах, мельком им замеченных, тоже было что-то знакомое, а впрочем, еще более знакомым показалось ему лицо мальчика.

На кого он похож? На кого похожа его сестра? И эти двое взрослых – кого они напоминали?!

Однако сейчас было не до пустых размышлений и не до разгадывания всяких загадок.

– Посади меня, – скомандовал Дмитрий Ильич сторожу Климу, и тот послушно опустил его в кресло рядом с лежащим мальчиком, затем с тревогой взглянул на ребенка и поспешно вышел.

– Открывай камфору, – приказал отец Анатолию и закричал сердито: – Аня! Где шприцы?!

– Ах! Несу! – раздался ее встревоженный голос, и девушка вбежала, неся перед собой металлический стерилизатор, прихваченный с двух сторон кухонным полотенцем.

Брякнула его на стол, бросила полотенце, смешно подув на обожженный палец, и встала у притолоки за спиной Анатолия.

Анатолий, совершенно ничего не понимая в этой суете, непонятно нервничая в присутствии этой высокомерной и в то же время перепуганной девчонки, сорвал крышку со стерилизатора, пинцетом выхватил шприц, вставил поршень, открыл пузырек, но раствор показался ему густоват – мас-

ло успело остыть. Анатолий обернул флакон краем полотенца и опустил в стерилизатор. В кипятке масло распустилось мгновенно.

Тем временем отец откинул одеяло на больном и смазал спиртом его предплечье.

Анатолий проворно набрал раствор в шприц, насадил стерильную иглу и принялся делать подкожные впрыскивания. Ему всегда особенно удавались именно подкожные и внутримышечные уколы, а вот внутривенных он побаивался. К счастью, камфору никогда не впрыскивали внутривенно – чтобы не было жировой эмболии.

Отец то разминал места уколов, чтобы инъекции поскорей разошлись, то осторожно массировал грудь мальчику в области сердца. Постепенно затравленное выражение исчезло с лица ребенка, он вздохнул глубже, огляделся, позвал:

– Мама! Мама, ты где?

Аня отошла от притолоки, под села к мальчику, ласково провела ладонью по его влажным от пота волосам:

– Ну что ты, Сереженька? Получше тебе?

– Получше, – слабо выдохнул тот. – Только я к маме очень хочу.

Аня покосилась на дверь, за которой, как показалось Анатолию, замерла женщина, бывшая рядом с мальчиком раньше, и тихо сказала:

– Потерпи немножко. Мама сейчас придет.

– Нет, я не к тете Наде, я к настоящей маме хочу, – запла-

кал ребенок. – Хочу домой! В Казань!

У Ани задрожали губы, глаза налились слезами. Она с молящим выражением взглянула на Дмитрия Ильича; тот кивнул, вынул из нагрудного кармана ампулу, подал Анатолию: – Внутримышечно вколи. Успокоительное.

Тот взял другой шприц, сделал очередную инъекцию. Веки мальчика медленно сомкнулись, лицо стало спокойным, возбужденное дыхание выравнилось.

– Аня, позовите Клима, пусть поможет меня унести домой, а то для Анатолия я тяжеловат, – проговорил Дмитрий Ильич, пытаясь приподняться с кресла, но тотчас опускаясь с болезненной гримасой.

– Я запросто смогу тебя донести! – обиделся было Анатолий, однако Аня уже махнула рукой, выглянув на веранду, и здоровенный Клим явился, будто джинн из сказки про Аладдина, подхватил Дмитрия Ильича и легкой поступью вышел вон.

Анатолий начал было собирать шприцы, однако Аня нетерпеливо сказала, сунув ему в руки забытый отцом саквояж:

– Идемте. Я потом сама здесь уберу, – и они пошли с крыльца, причем Анатолий не сомневался, что мужчина и женщина немедленно вернулись в комнату и бросились к ребенку.

«Аня, Сережа, тетя Надя», – толклись в его голове имена, однако, сколько он их ни повторял, сколько ни перетасовывал,

вал, они ему ничего не говорили.

Перед калиткой, разделявшей два участка, Аня остановилась, протянула руку Анатолию. В каждом ее движении, в каждом жесте, в каждом взгляде была почти взрослая серьезность, даже некая умудренность, и Анатолий, который был года на два, на три старше ее, чувствовал себя мальчишкой. Это его раздражало, хотелось как-то восторжествовать над ней, дать ей понять свою силу, и он вспомнил способ, который действовал наверняка.

Взял ее руку, склонился, прижался к ней губами, взглянув исподлобья, нежно, с поволокой. Он знал, что его глаза приняли сейчас неотразимое для женщин выражение. Каждая в такое мгновение чувствовала себя единственной на свете для этого красавца, а на самом деле техника этого взгляда была четко отработана, и Анатолию было все равно, на кого смотреть – да хоть на корову!

Ну что ж, уловка сработала безотказно. Маленькая, изящная, хотя и несколько пухленькая ручка дрогнула около его губ, нежные щеки девушки залились краской. Она быстро вздохнула, словно всхлипнула, и, резко вырвав руку из пальцев Анатолия, понеслась к дому, чуть-чуть, самую малость припадая на правую ногу и косолапя.

Анатолий с видом победителя посмотрел ей вслед. Ну что ж, и эта милая девочка не смогла устоять перед ним, так же как не смогли и многие другие ее сестры по несчастью!

Аня вдруг приостановилась, начала подниматься по сту-

пенькам медленней, и Анатолий понимал, что ей страшно хочется оглянуться. Вот сейчас оглянется!

Но нет – она резко, с вызовом вздернула голову, словно чувствовала его взгляд и хотела показать, что не подчинилась, не подчинилась ему!

В это мгновение что-то резко толкнуло Анатолия – он едва удержался на ногах. Оказывается, это звероватый Клим, относивший Дмитрия Ильича домой, возвращаясь, прошел мимо и задел его, даже не дав себе труда посторониться, а тем паче извиниться, только бросил на него угрожающий взгляд и буркнул:

– Домой идите, барин! А то как бы не заплутаться в чужом саду!

– Ах ты наглец, – прошипел было Анатолий, но Клим молча, не оглядываясь, протопал к крыльцу, взошел на него и канул за дверь.

– Что так долго? – встретил сына Дмитрий Ильич, сидевший в кресле на террасе.

Вера Савельевна стояла тут же, ломая руки; глаза были заплаканы.

Анатолий опустился на пол у ног отца и принялся заново, уже бинтами, перетягивать его вывихнутую лодыжку.

– Кто эти люди? – спросил он, не поднимая головы.

– Тебе это знать не нужно, – пробормотал Дмитрий Ильич. – Просто Филатовы, и все.

– Ты меня за дурака принимаешь? – усмехнулся Анато-

лий.

– Ты должен молчать, – прохрипел отец. – Я дал слово, что ты будешь молчать.

В голосе его было что-то такое, отчего у Анатолия мороз по коже прошел.

– Утром уедешь, – жестко сказал Дмитрий Ильич.

– Да в чем же он виноват?! – взрыдала Вера Савельевна и тут же зажала рот рукой.

– Никто ни в чем не виноват, – резко ответил ее муж. – Просто так сложилось. Неудачно сложилось. Но ты знай, сын, что я люблю тебя, и мать любит, но тут такие дела, что лучше тебе в них не вмешиваться. Так что утром на поезд... Прости уж, потом в городе встретимся и поговорим.

– Вообще я могу и сейчас уехать, – обиженно буркнул Анатолий.

– Мать пожалей, – дрожащим голосом попросил Дмитрий Ильич, и сын кивнул, поднялся с пола:

– Ладно, утром. А где бы тут льда найти? Тебе нужно холода к ноге, чтобы не отекло. Хотя уже поздновато, конечно...

– В погребе лед есть, – дрожащим голосом сказала мать. – Сейчас принесу.

– Я сам схожу, – возразил Анатолий, и ему показалось, что родители облегченно вздохнули, когда он вышел.

Берлин, 1920 год

Тем временем с девушкой, которую безуспешно пытался догнать русский эмигрант, избитый затем таксистом, происходило следующее.

«Опель» пересек Постдамский мост и остановился на Шоненберг уфер, набережной Ландвер-канала. Мужчины вышли, осмотрелись. Потом один из них, молодой, стройный, с оживленным, насмешливым лицом, резко свистнул.

Из-за будочки подметальщика, которая стояла на набережной, вышел полицейский в каске и плаще.

– Халльман? – спросил мужчина постарше – тот, который вел машину, – взглядываясь в лицо полицейского.

– *Сержант* Халльман, – с достоинством поправил тот.

– Да хоть горшком назови, – пробормотал молодой человек по-русски.

– Глеб, помолчи, – приказал другой мужчина тоже по-русски. – Лучше посмотри, чтобы она снова не сбежала.

Глеб вскинул два пальца к полям шляпы:

– Слушаюсь, дядюшка!

– Я всегда говорил, что ты шут гороховый, – проворчал его спутник. – Стоило хоть раз взглянуть на твои карикатуры, чтобы понять: для тебя нет ничего святого.

– Между прочим, Сергей Дмитриевич, мои карикатуры очень нравились великой княжне Анастасии и наследнику,

да и вообще они всех тобольских узников развлекали, — не без обиды проговорил Глеб. — Тем более что государя я всегда изображал в облике благородного медведя — в отличие от прочей шушеры, которая его предала. В противоположность им всем, мы с сестрой немало рисковали, приехав в сентябре восемнадцатого в Тобольск. Никто из родственников нашего отца, царство ему небесное, и с места не тронулся, чтобы навестить его, а заодно оказать почести павшему величию. Даже те, кто был вполне облечен властью, находились в подчинении Временному правительству и занимались устройством судеб германских военнопленных, как мой дорогой дядюшка Сергей Дмитриевич Боткин! — Он сделал шутовской реверансик своему спутнику, а сержант Халльман вытаращил глаза, не вполне понимая, что происходит: ссорятся эти русские или веселятся? — То есть судьбы швабов его волновали, а на судьбу собственного двоюродного брата ему было наплевать!

— Нашел время обсуждать то, о чем и так не раз говорено и переговорено, — сухо ответил Сергей Дмитриевич Боткин. — Я готов был на все, чтобы вытащить твоего отца из этой глупости, в которую он ввязался — по своему, заметь, желанию! Его никто не заставлял сопровождать императорскую семью в ссылку! Это было ложно понятое чувство долга. Монархия перестала существовать, а значит, долг перед монархом тоже перестал существовать. И в ипатьевском подвале несчастный Евгений погиб именно из-за собственного

своеволия. А упрекать меня в помощи германским военнопленным просто архиглупо. Ведь именно благодаря этому я облечен сейчас в Берлине столь многими полномочиями, имею возможность помогать нашим несчастным беженцам, а может быть... может быть, и решать будущее России.

Сержант Халльман начал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу. Зачем эти двое русских заплатили ему такую крупную сумму? Чтобы он сделал то, за что было заплачено, или продолжал стоять на набережной, слушая бурный спор на непонятном языке?

А вдруг появится кто-то из патрульных полицейских?

Впрочем, Халльман всегда может соврать, будто эти двое спрашивали у него дорогу... А они все болтают и болтают!

– Ладно, я готов взять назад все свои слова и даже извиниться перед вами, – примирительным тоном проговорил Глеб. – Но ведь вы сами себе противоречите, дядюшка. Вы упрекали моего отца в ложно понимаемом чувстве долга перед свергнутым монархом, вы фактически отреклись от императора, однако что же вы пытаетесь проделать сейчас, вовлекая в эту интригу нас с Татьяной и рискуя насмерть перессориться со всеми оставшимися в живых Романовыми? Вы ведь собираетесь навязать России монархию на новый лад! Не то ли же самое намерен проделать Кирилл Владимирович²⁸, который в феврале семнадцатого года сначала на-

²⁸ Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938) – сын великого князя Владимира Александровича, внука императора Александра II; двоюродный брат

дел красный бант, потом спохватился и принялся радеть о восстановлении монархии, а теперь, по слухам, намерен объявить себя наследником русской короны, поскольку он ближайший родственник последнего императора?

– Что за бред? – безглаголиво передернул плечами Сергей Дмитриевич. – Участие в заговоре против императора или поддержка заговора по закону о престолонаследии лишила его и его потомков права претендовать на российский престол!

– Позвольте спросить, чем это хуже того, что собираетесь проделать вы? – повторил Глеб.

– Дурак! – окончательно рассердился Сергей Дмитриевич. – Кирилл ищет славы и почестей только себе. Я же надеюсь с помощью этой девушки добраться до английского золота Романовых, чтобы обратить его на помощь русским, которые нищенствуют в эмиграции.

– Ну неужели повезет только нищим и ничего не прилипнет к нашим рукам? – спросил Глеб с таким очаровательным лукавством, что его родственник не смог удержаться от смеха:

– Близ огня да не согреться? Неужто такое возможно?

– И мы с Татьяной, надеюсь, не останемся в стороне? – прямо спросил Глеб.

Николая II. В 1924 г., в парижской эмиграции, он, на правах старшего представителя династии, провозгласил себя Императором Всероссийским под именем Кирилла I, что было поддержано далеко не всеми эмигрантами.

– Россия вас не забудет, – ухмыльнулся Боткин-старший. – Только не ждите быстрого результата. Все должно пройти самым естественным путем. А это значит, что спешить нельзя ни в коем случае!

– Только не слишком тяните кота за хвост, – проворчал Глеб. – И вообще, насколько вы уверены, что эти вклады существуют? Слухов-то ходит много, но правдивы ли они?

– Князь Львов и Керенский²⁹ говорили о сумме в четырнадцать миллионов золотых рублей³⁰...

– Недурно! – присвистнул Глеб.

– Майне херрен!³¹ – подал голос сержант Халльман, терпение которого наконец истощилось.

– Ах да, – расхохотался Глеб. – Мы и забыли о нашем полицесте! В самом деле, хватит болтать, пора и дело делать! – И приказал, перейдя на немецкий: – Вы, сержант, сейчас зайдите за будочку снова, а выйдите, когда мы отъедем. Ну и сделайте то, что следует. Понятно?

– Зо генау!³² – козырнул сержант, обрадовавшись, что бес-

²⁹ Георгий Евгеньевич Львов (1861–1925) – русский политический деятель, назначенный Николаем Вторым после его отречения от престола главой Временного правительства. После Июльского восстания и правительственного кризиса ушел в отставку. Керенский Александр Федорович (1881–1970) – министр-председатель Временного правительства России с июля 1917 г.

³⁰ Это более восьми миллиардов рублей на современные деньги.

³¹ Господа! (нем.)

³² Так точно! (нем.)

смысленная и непонятная болтовня этих русских прекратилась, и отправился в укрытие.

Глеб открыл дверцу автомобиля и подал руку влипшей в спинку сиденья девушке.

Она неуклюже выбралась, огляделась.

– Ну, я рад, что вы образумились и не пытаетесь снова сбегать, – сказал с отеческой лаской Сергей Дмитриевич. – Задумайтесь еще раз о том, о чем мы говорили раньше: вас бессовестно использовали, вас готовили к безропотной смерти из ложно понимаемых патриотических побуждений. Вы должны взять реванш! Конечно, придется набраться терпения. Невозможно, неправдоподобно будет выскочить в политическую жизнь, как чертик из бутылки. То, что сходило вам с рук среди доверчивого русского и румынского простонародья, не пройдет среди людей, которые некогда имели честь знать некую особу лично и частенько лицезреть ее. Повторяю – впереди нелегкий путь, однако цель оправдывает средства. Делайте, как договорились, будьте осторожны. И помните главное: вы ничего не помните! Согласно сведениям Соколова³³, в подвале некоторых добивали ударами прикладов. Это поможет нам оправдать провалы в ваших воспоминаниях. Частичная потеря памяти должна лежать в основе вашего поведения. Вскоре рядом с вами появятся мои люди, чтобы вам незаметно помогать. Если вас начнут одо-

³³ Имеется в виду Н. Соколов – следователь, который по поручению адмирала Колчака расследовал убийство императорской семьи в доме Ипатьева.

левать посетители из числа родственников и знакомых этой особы, вы будете заранее предупреждены и успеете подготовиться. Со временем в Берлин приедет моя племянница Татьяна, чтобы вас постоянно опекать и облегчать вашу задачу. Да, и еще вот что важно: если вдруг вы вздумаете прекратить игру, назвать свое подлинное имя и хоть где-то упомянуть об этом нашем разговоре, вам, во-первых, никто не поверит, а во-вторых, вы пожалеете, что ваш жизненный путь не прервался там, где его пытались прервать. – Боткин помолчал, значительно глядя на девушку. – Понимаю, мои слова звучат жестоко, однако считаю, что я должен это сказать. Ведь не я начал эту игру – ее начали вы сами, когда назвались великой княжной! А тот, кто ступил на скользкую дорожку политической интриги, должен идти по ней до конца, если не хочет погибнуть. Впрочем, я знаю, что мужества и отваги вам не занимать, а поэтому еще раз желаю вам терпения. Не сомневаюсь, что рано или поздно мы добьемся успеха. Счастливого пути, дитя мое... ваше высочество!

При этих словах девушка резко, высокомерно вскинула голову, окинула холодным взглядом обоих Боткиных и решительно зашагала к ступенькам, которые вели к воде.

– Раньше у нее не было такого движения, – пробормотал Глеб, тоже вздергивая подбородок.

– Да и быть не могло! – ухмыльнулся Сергей Дмитриевич.

– А, ну да, – пробормотал Глеб и поежился, когда девушка медленно спустилась к воде и приостановилась.

– Не могу я на это смотреть, – пробормотал Боткин-старший и быстро направился к автомобилю.

Раздался всплеск.

Боткин сел за руль, Глеб – на заднее сиденье.

Захлопнулись дверцы, зашумел мотор.

– Где этот ленивый шваб? – проворчал Сергей Дмитриевич. – Он ее утопит!

В это самое мгновение осанистая фигура сержанта Халльмана появилась из-за будочки и уверенной рысцей устремилась к набережной.

– Поехали, поехали, – нетерпеливо воскликнул Глеб. – Зябко!

Тут же он подумал о том, что в воде Ландвер-канала еще холодней, и умолк.

Справа, на Лютцовштрассе, проплыло красное кирпичное здание Элизабет-кранкенхаус, больницы для бедных. Боткины многозначительно переглянулись – место для начала аферы было выбрано не случайно. Они по Потсдамскому мосту пересекли канал в обратном направлении и углубились в сплетение улиц.

Пермь, 1918 год

Вечером того же сентябрьского дня 18-го года, когда со-трудница чрезвычайной комиссии Ираида Юрганова и ее со-провождающий увезли с 37-го разъезда странную девушку, которую задержали в лесу близ Нижней Курьи, кто-то сильно постучал в дверь квартиры пермского доктора Павла Ивановича Уткина.

Квартира эта находилась в том же самом большом трех-этажном доме на углу улиц Петропавловской и Обвинской, где раньше располагался Крестьянский поземельный банк. Однако с сентября месяца здание банка присвоила Пермская Чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрре-волюцией: сначала она забрала только нижний этаж, где по-мещался сам банк, а потом начала выселять жильцов и за-хватывать их помещения. В конце концов заняли и квартиру доктора, оставив ему только одну комнату, где он помещал-ся с женой и двумя маленькими детьми, а также принимал больных.

И вот в квартиру Уткина явился какой-то вестовой³⁴ из чрезвычайки и сообщил, что доктора срочно вызывает Мал-ков – председатель Чрезвычайной комиссии. Отказаться от вызова было, конечно, немыслимо, и доктор сейчас же по-

³⁴ В описываемое время так назывался солдат или гражданский служащий для исполнения разных служебных поручений; курьер.

шел за вестовым.

Он привел Уткина во второй этаж того же дома, в комнату, где находились большевики, работавшие в чрезвычайке: сам Малков, его сотрудники Лобов, Воробцов, Шленов и какие-то еще другие, которых доктор не знал. Все вместе они прошли в соседнюю комнату, где на кушетке лежала в полубеспамятстве молодая девушка – лет семнадцати, не больше: бледная, русоволосая, с полузакрытыми глазами. Лицо ее было нежным, милым, красивым, хотя сейчас и носившим следы недавних побоев: под левым глазом виднелся большой кровоподтек, и угол левой губы был рассечен. В лице этом было что-то отдаленно знакомое, но Уткин не мог вспомнить, где и когда видел ее.

Рядом сидела еще одна женщина – блондинка среднего роста, с тонкими, сжатыми губами и грубоватыми чертами. Ей было на первый взгляд года двадцать два – двадцать четыре. Доктор вспомнил, что встречал ее раньше, правда, мельком, здесь же, на лестнице чрезвычайки. Кажется, фамилия ее была Юрганова – доктор слышал, как ее кто-то окликал.

Один из большевиков, вошедших вместе с доктором, приказал ему:

– Потрудитесь оказать помощь.

Уткин стал осматривать лежащую на кушетке девушку. Следов ударов на голове он не обнаружил. Больная, находившаяся в полубабытти, то и дело резко вздрагивала. Доктор сказал, что ему надо осмотреть тело девушки и расстегнуть

ее одежду.

После этого все бывшие в комнате мужчины удалились, осталась одна Юрганова, однако кто-то из чекистов, выходя, что-то быстро ей приказал. Она кивнула, остро взглянув на доктора.

Доктор обратил внимание, что белая блузка больной разорвана; на ней виднелись засохшие капли крови. Впрочем, на груди синяков и следов побоев не было. В эту минуту девушка открыла глаза и, все еще затуманенным взглядом, посмотрела на Уткина.

«Где же я ее все-таки видел?» – напряженно подумал он и спросил:

– Кто вы такая?

Она дрожащим голосом, но совершенно внятно проговорила:

– Я дочь государя Анастасия.

Уткина даже в жар бросило! Он никогда не видел воочию великую княжну Анастасию Николаевну, только на фотографиях в газетах, однако сейчас понял: вот на кого так похожа эта девушка...

Но как же официальные известия о расстреле царской семьи в Екатеринбурге? Он их не раз читал! А впрочем, по Перми ходили всякие разговоры: якобы убили только самого императора и наследника, а женщин тайно вывезли... и даже в саму Пермь! Раньше Павел Иванович всерьез этих баек не принимал, но сейчас призадумался: а ну как это не байки?!

У доктора задрожали руки от волнения, потому что эти следы избиения в сочетании со словами девушки, с названным ею именем, со всем ее обликом казались чем-то невероятным. Ужасная мысль о насилии мелькнула в его голове... Однако нужно было вести освидетельствование дальше, осмотреть, как выражаются врачи, половую сферу, поэтому Уткин сделал попытку приподнять рубашку девушки. Эта рубашка была на вид дорогая, из тонкого полотна. Тут Юрганова, внимательно следившая за каждым его движением, вдруг крикнула:

– Товарищи!

Немедленно все чекисты вернулись в комнату, и Малков резко сказал:

– Доктор, это вашему освидетельствованию не подлежит.

Уткин бросил на девушку сочувственный взгляд. Впрочем, ему и без осмотра все стало ясно, вот только непонятно, кто мог решиться обесчестить великую княжну!

Уж не эти ли чекисты? Или какая-нибудь непримиримая в своей классовой ненависти революционная солдатня?

– Выпишите лекарства, чем ее лечить, – резко велел Малков.

Доктора провели в соседнюю комнату и дали бланки доктора Иванова, который раньше занимал эту квартиру. Павел Иванович выписал для больной йод, свинцовую примочку, бромистые соли с валерьянкой и перевязочные материалы. Шленов сделал на обороте рецептов надписи – видимо, от

имени чрезвычайки требовал срочности работы, – и послал вестового за лекарством.

Берлин, 1920 год

Сержант Халльман доставил в больницу насквозь мокрую девушку и поведал в приемном покое, что, проходя по Шоненберг уфер вдоль канала Ландвер, он услышал всплеск. Осветив темную воду своим фонариком, Халльман увидел молодую женщину, которая, видимо, бросилась в воду с Постдамского моста, решив свести счеты с жизнью, но потом испугалась и поплыла к набережной.

Сержант Халльман поспешил на помощь и вытащил женщину из воды. Он спросил, как ее зовут и что с ней случилось, но она отказалась отвечать. Рассудив, что ночь холодна и женщина в мокрой одежде может простудиться насмерть, сержант повел ее на Лютцовштрассе, в Элизабет-кранкенхаус. Сдав ее с рук на руки медперсоналу, сержант Халльман вернулся к исполнению своих служебных обязанностей, втихомолку радуясь, что никто из врачей или сестер не обратил внимания на то, что он умудрился вытащить из воды тонущую женщину, не только не промокнув при этом сам, но даже сапог не замочив.

Доктора и сестры начали расспрашивать спасенную девушку, но она ничего не отвечала, будто не слышала вопросов. Ни документов, ни каких-либо бумаг, которые могли бы помочь в установлении личности, у нее не обнаружилось. Обследование показало, что никаких серьезных и требую-

щих немедленного вмешательства недугов у нее нет, разве что небольшая простуда. Ну и еще она была сильно истощена. Под правой лопаткой нашелся застарелый шрам, который можно было принять за след от пули или штыка, но девушка не захотела объяснить, откуда он взялся.

Кроме того, неизвестная страдала недугом *hallus valgus*. Этот медицинский термин характеризует искривление большого пальца стопы на ее правой ноге, что при ходьбе может вызывать едва заметную косолапость. Никакой угрозы жизни в этом заболевании не было – скорее всего, оно являлось врожденным.

Спасенную переодели в сухое белье и сопроводили в палату, зарегистрировав в книге для пациентов как «фройляйн Унбекант» – «Неизвестную девушку».

Через несколько минут в приемный покой доставили избитого русского, который всё еще находился в бессознательном состоянии. Дежурный врач во всеуслышание прочел его имя и фамилию: А-на-то-ли Ба-ши-ло́ф. Если бы «фройляйн Унбекант» услышала это, ее жизнь, вполне возможно, сложилась бы иначе, однако ее к тому времени уже отвели в палату, она ничего не услышала, а потому всё сложилось так, как сложилось.

Териоки, Выборгская губерния, Россия, 1916 год

До вечера больше ни о чем «вредном и опасном» не говорили. Собственно, Анатолий просто сбежал от таких разговоров и отправился погулять по Териокам. Отец двигаться не мог, Анатолий попытался вывести с собой мать, но та, опасливо покосившись на хмурого Дмитрия Ильича, отказалась: дескать, вдруг больному что-нибудь понадобится. Легко было понять, что отец боится: вдруг матушка выболтает своему любимчику что-нибудь лишнее.

Лишнее – о чем?! Кто эти люди – Филатовы? Почему отец стелется перед ними? Почему боится за них? Что, если они германские шпионы?... Что, если отец завербован?

Эта мысль надолго поселилась в сознании Анатолия, и в этом не было ничего удивительного. Всем петербуржцам было известно, что германский шпионаж перед войной процветал. Гостиницу «Астория», которую немцы выстроили поблизости от русских военного и морского министерств, в городе называли «шпионским отелем». Один из приятелей Анатолия, молодой человек по фамилии Рудин, увлекавшийся картографией и искавший должность в хорошей фирме, был восхищен качеством крупной топографической карты окрестностей Петербурга в трехверстном масштабе в

красках, которую выпустила новая картографическая фирма Юлиуса Гаша. Рудин отправился было к Гашу предлагать свои услуги в качестве географического сотрудника. Гаш его принял в чрезвычайно странной, какой-то таинственной обстановке, с глазу на глаз, и отказал в приеме без всякой на то причины. А через несколько дней после объявления войны выяснилось, что Гаш оказался офицером германского генерального штаба, поспешно сбежавшим на родину. Все его картографическое заведение было захвачено жандармами, и там, по слухам, обнаружили некие секретные сведения, которые Гаш не успел отправить в Германию или увезти с собой. Открытие этих и других фактов шпионажа так возмутило жителей Петербурга, что с крыши нового, недавно выстроенного здания германского посольства была низвергнута целая скульптурная группа. Изображала она толпу обнаженных атлетов, очевидно, германцев, которые вели в поводу двух могучих коней. Здесь была довольно прозрачная аллегория: Германия ведет под уздцы Россию и Францию. Скульптура была утоплена в Мойке, и ура-патриоты сравнивали это с утоплением идола Перуна в Днепре при крещении Руси.

Однако, вздохнул Анатолий, тогда, в августе 1914-го, все они были ура-патриотами, все стояли за войну до победного конца и считали, что одолеть немца-перца-колбасу ничего не стоит, а Петроград уже очищен от всех шпионов. Но жизнь научила не слишком-то радоваться случайным победам, хо-

дить с оглядкой, потому что шпионы плодились и размножались, задерживались охранкой, но появлялись снова и снова. Так что подозрения Анатолия насчет загадочных Филатовых, очень возможно, не были лишены оснований, тем паче... тем паче ему показалось, что во внешности той женщины, которую он видел на даче Филатовых и которую Сережа называл тетей Надей, было что-то германское: рост, стать, рыжеватые волосы, какой-то *прусский* нос, близко посаженные и очень светлые глаза... Она походила на императрицу Александру Федоровну, которая, как известно, была немкой и которую только ленивый на Руси не называл немецкой шпионкой.

Впрочем, Анатолию было досадно даже вспоминать о людях, которые стали причиной его ссоры с родителями. Оставалось уповать, что отец достаточно благоразумен, чтобы не ввязываться в какие-то опасные политические игры, и не станет рисковать жизнью и благополучием жены и сына.

Ехал-то Анатолий в Териоки без особой охоты, но теперь, когда понадобилось уезжать, почувствовал досаду. Уезжать совершенно не хотелось, тем паче что жизнь в Териоках вообще-то была очень приятная и превеселая – не то что в чиновном, замкнутом, высокомерном, вечно зашоренном Петербурге!

По многочисленным улицам и улочкам дачного поселка фланировали нарядные люди, и о том, что где-то идет война, напоминали только изредка встречавшиеся военные в фор-

ме – или на костылях, или с нашивками за ранение. Да и то вид у них был отнюдь не угрюмый, а веселый и беззаботный. Сам воздух Териок – насыщенный ароматом сосен и моря – будоражил и взбадривал. Недаром этот поселок был так популярен у петербуржцев, понастроивших здесь по-настоящему роскошные дома, которые, впрочем, вполне мирно уживались с небольшими, простенькими дачками.

В Териоках были две главные улицы, Приморское шоссе и Виертоtie, что значило Большая дорога, а от них разбегались улицы поменьше: некоторые из них были названы по именам владельцев первых дач – Генриховская, Андреевская, Захаровская, некоторые – в финской части поселка – напоминали о знаменитой «Калевале»: Сампо-кату, Лоухи-кату, Куллервон-кату и Пеллервон-кату³⁵; был также Сатанинский переулок, о происхождении названия которого можно было только догадываться.

Анатолий пересек весь поселок и вышел к берегу; он брел по пустому шоссе вдоль полосы волн, как вдруг услышал вдали какие-то отчаянные крики из моря. Вскинулся, решив, что кто-то тонет и вызывает на помощь. Устремился было вперед, но тут же увидел, как из волн возникла совершенно голая по пояс женщина, которая криком остановила торговца ягодой, который брел впереди Анатолия. Выслушав

³⁵ «Калевала» – карело-финский эпос; Сампо – волшебная мельница, которую добывают «герои Калевалы»; Лоухи, Куллерво, Пеллерво – некоторые персонажи эпоса; кату – улица (*финск.*).

его цену, дама возмущенно крикнула:

– Очень дорого ты просишь, а впрочем, погоди.

Он ей ответил:

– Слушаюсь, барыня, – и сел на песок, а барыня, выйдя из воды, стала не торопясь вытираться простынкой и надевать какой-то бурнус – тоже на голое тело. Затем она гордо прошествовала к небольшой дачке на окраине леса; разносчик поплелся следом.

Анатолий не мог сдержать смех. Вообще простота нравов в Териоках царила исключительная. Анатолий отлично помнил, например, как по соседству с его родителями снимала дачу одна дама, которая каждое утро пила чай на балконе, выходявшем на улицу. Сидела она за чайным столиком в каком-то халатишке, расстегнутом сверху донизу, причем под ним ничего не было, и каждый проходящий мимо мог созерцать ее прелести, стоило только задрать голову.

Впрочем, относиться наплевательски к нижнему белью воздух Териоки побуждал также и мужчин, которые в жаркую погоду гуляли по своим садам или вообще в костюме Адама, или, по крайности, накинув старую крылатку³⁶. Анатолий вспомнил также своих молодых приятелей, которые, живя на даче, стоявшей напротив дома, в котором разместились какие-то молоденькие пансионерки, установили на балконе теодолит и с упоением созерцали картины быта девиц,

³⁶ Крылатка – верхняя мужская одежда в виде широкого плаща с пелериной, но без рукавов, а только с прорезями для рук.

нимало не смущаясь тем, что видят девушек вверх ногами, а может быть, даже находя в этом особую пикантность.

Анатолий внезапно остановился, с изумлением обнаружив, что в этом переизбытке фривольных воспоминаний, которые его вдруг охватили, каким-то странным образом присутствует невысокая девушка с русыми волосами, заплетенными в короткие косы и переброшенными на грудь, – Аня Филатова с ее нежным румянцем и высокомерными, неуступчивыми повадками. Анатолия уже мало волновала нелюдимость и необщительность ее семьи – его волновала только она сама, такая внешне обычная и в то же время необыкновенная, простенькая – и в то же время необычайно впечатляющая, возбуждающая... да, силу впечатления, которое она произвела на Анатолия, нельзя было сравнить ни с чем испытанным ранее!

– Да ты влюбился, олух, что ли? – спросил он сам себя негромким шепотом, не заметив, как почти процитировал своего приятеля, уже упоминавшегося Рудина, сестра которого была отчаянно – и, конечно, безответно! – влюблена в Анатолия и даже пыталась стреляться из-за любви, да, на счастье, пистолет в первый раз дал осечку, а на второй выстрел она не отважилась, – и который после этого зловеще предрек Анатолию: «Вот сейчас вокруг тебя вьются самые завидные красотки, а ты на них и не смотришь, но смотри, сукин ты Гиакинф: влюбишься в самую серую мышку, а она на тебя и не взглянет, – вот тогда и повертишься, олух, тогда

и поймешь, что это такое!»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.